

## Глава XXV.

### Полиція и тюрьмы.

#### I. Полиція.

Барона Суйематеу,

бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ Японіи полицейская система составляетъ важную часть общей системы управленія. Въ префектурахъ полиція организована подъ общимъ руководствомъ центральнаго правительства, при чемъ мѣстному усмотрѣнію отводится нѣкоторый просторъ приспособленія къ мѣстнымъ условіямъ, — напримѣръ, въ вопросѣ о жалованьи полицейскимъ и о числѣ ихъ.

Исключеніе составляетъ полиція въ Токійской префектурѣ, обнимающей собою городъ Токио и нѣкоторые пригороды. Общій надзоръ надъ полиціей принадлежитъ министру внутреннихъ дѣлъ. Въ этомъ министерствѣ имѣется особое бюро завѣдыванія полицейскими дѣлами, во главѣ котораго стоитъ директоръ, подчиненный министру внутреннихъ дѣлъ. Въ префектурахъ надзоръ за полиціей принадлежитъ губернаторамъ, въ свою очередь подчиненнымъ министру внутреннихъ дѣлъ. Въ каждомъ управленіи префектуры существуетъ штатъ чиновниковъ съ начальникомъ, завѣдующимъ дѣлами полиціи подъ наблюденіемъ губернатора.

Общіе расходы на полицію входятъ въ бюджетъ префектуры и покрываются изъ мѣстныхъ налоговъ. Но часть ихъ субсидируется центральнымъ правительствомъ, а, кромѣ того, оклады чиновникамъ и нѣкоторые спеціальные расходы покрываются также казначействомъ. Разумѣется, бюджетъ представляется на одобреніе выборному собранію префектуры, и такимъ образомъ мѣстныя собранія подаютъ свой голосъ при назначеніи жалованья чинамъ полиціи и опредѣленіи числа ея агентовъ. Казенная субсидія составляетъ шестую часть всѣхъ расходовъ (измѣненный императорскій указъ 1888 г.), а полицейскихъ полагается по одному на каждыя 300—800 душъ населенія въ городахъ и по одному на каждыя 1000—2000 душъ въ графствахъ.

Полицейская система Токійской префектуры отличается отъ прочихъ тѣмъ, что здѣсь имѣется полицейскій губернаторъ, также подчиненный общему наблюденію министра внутреннихъ дѣлъ, но независимый отъ обыкновеннаго губернатора. Оба эти губернатора отправляютъ свои функціи самостоятельно, но конечно, по, многимъ вопро-



самъ имъ приходится дѣйствовать совмѣстно. Эта система очень напоминаетъ полицейскую систему Парижа. Въ Токио, кромѣ того, казна участвуетъ четырьмядесятыми въ полицейскихъ расходахъ, а не одной шестую, какъ въ провинціяхъ.

Въ каждомъ гунъ (графство) имѣется полицейское управленіе съ извѣстнымъ числомъ нижнихъ чиновъ подъ командой офицера. Часто учреждаются еще филиальныя управленія. Въ сельскихъ округахъ обыкновенно назначается одинъ полицейскій чинъ на извѣстную часть мѣстности, въ которой онъ и пребываетъ, управляя полицейскими дѣлами.

По даннымъ официальной статистики въ 1901 г. насчитывалась 2116 полицейскихъ офицеровъ и 31.833 нижнихъ чиновъ; всего 33.949 душъ, среднимъ числомъ по одному на каждыя 1332 души населенія.

Полицейская система Формозы почти такая же, съ той разницей, что здѣсь не имѣется мѣстныхъ собраній. То же можно сказать и о Ліуки.

Обязанности японской полиціи тѣ же самыя, что и во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Онѣ многообразны, но могутъ быть охарактеризованы словами: „поддерживать тишину и порядокъ;“ впрочемъ, не только поддерживать тишину и порядокъ, но и способствовать народному благосостоянію, умѣряя свое полицейское усердіе. Она слѣдитъ за санитарнымъ дѣломъ, издаетъ санитарныя постановленія и т. п. Вообще дѣйствія ея должны носить прежде всего „предупредительный“ характеръ, „пресѣченіе“ же должно стоять на второмъ планѣ. Ей же принадлежать функціи такъ называемой „вышей“ полиціи, т. е. наблюденіе за политическими движеніями или интригами, могущими возникнуть въ государствѣ.

Ей же принадлежать и „судебно-полицейскія“ функціи, наступающія въ томъ случаѣ, когда кто-либо совершаетъ поступокъ, наказуемый законами. Здѣсь полиція является какъ бы частью судебной власти, въ качествѣ которой должна содѣйствовать розысканію и задержанію виновнаго. Возможныя при этомъ злоупотребленія властью находятъ извѣстное препятствіе въ строгихъ правилахъ, изданныхъ на сей счетъ.

Пожарныя команды составляютъ особое учрежденіе, но и онѣ подчиняются надзору полицейскихъ властей.

Предъ лицомъ японскихъ законовъ полицейскіе самага низшаго ранга считаются „правительственными чиновниками“, а не просто служителями. И, дѣйствительно, ихъ социальное положеніе относительно выше положенія полиціи въ западныхъ странахъ. Правда, ихъ непрестанно учить быть любезными и услужливыми по отношенію ко всѣмъ, кто приходитъ съ ними въ соприкосновеніе, и не проявлять должностного высокомерія; но отъ нихъ не требуется, да и сами они не считаютъ своей обязанностью дѣлать нѣкоторыя вещи, которыя, кажется мнѣ, вошли въ обычай въ западныхъ странахъ,—я хочу сказать, что они ни для кого не сдѣлаютъ ничего такого, что несовмѣстимо съ ихъ достоинствомъ, и потому ихъ можно только оскорбить, пытаюсь купить подачкой „на чай“. Напримѣръ, японскій городовою не подбѣжитъ услужливо къ вашей каретѣ и не откроетъ дверецъ, если только не увидитъ къ этому достаточныхъ основаній:—не заподозритъ, скажемъ, несчастнаго случая. Это обстоятельство должны имѣть въ виду иностранцы, путешествующіе по Японіи. Я этимъ не хочу сказать, что наша система лучше. Западные порядки и обычаи имѣютъ свои хорошія стороны. Они очень полезны и хорошо приспособлены къ потребностямъ



этихъ странъ. Я хочу только сказать, что наши обычаи не таковы. Нынѣшняя японская полиція образовалась послѣ упраздненія феодальной системы, хотя и успѣла претерпѣть различныя измѣненія. Это было время, когда тысячи молодыхъ самураевъ лишились занятій, и эти то самураи главнымъ образомъ и пополнили кадры полиціи. Ихъ социальное положеніе и степень культурнаго развитія были значительно выше средняго уровня тѣхъ людей, съ которыми имъ приходилось ежедневно сталкиваться. Это обстоятельство всегда имѣлось въ виду. Даже и теперь въ полицію принимаются лишь лица, выдержавшія особый, довольно трудный экзаменъ. Нетрудно понять теперь причину различія, существующаго между полиціей западныхъ странъ и японской. Я хотѣлъ бы обратить вниманіе ваше на одну деталь, не лишенную нѣкотораго значенія. Наши власти всегда заботятся о томъ, чтобы полиція была особенно любезна и предупредительна съ иностранцами, но я боюсь, что иногда имъ могутъ быть причинены непріятности безъ дурного намѣренія. Я однажды прочелъ въ газетѣ, что въ одномъ провинціальномъ городѣ полицейскій подошелъ къ иностранкѣ, разсматривавшей проходившихъ мимо кронпринца и кронпринцессу, и потребовалъ, чтобы она сняла шляпу. Въ Японіи принято, чтобы мужчины снимали шляпы въ подобныхъ случаяхъ; женщины же наши ходятъ съ непокрытой головой. Помянутый полицейскій не имѣлъ понятія о женскихъ шляпахъ и связанныхъ съ ними обычаяхъ западныхъ народовъ, и только потому предъявилъ свое требованіе. Я слыхалъ еще объ инцидентѣ съ иностраннымъ принцемъ, путешествовавшимъ инкогнито и стрѣлявшимъ голубей въ храмѣ вопреки закону. Полицейскій, не зная, кто онъ, и зная только, что онъ исполняетъ свой долгъ, пытался остановить его. Оба эти инцидента были одинаково непріятны, но потомъ все объяснилось, и они были исчерпаны. Мы надѣемся, что иностранные посѣтителы наши будутъ снисходительнѣе относиться къ такого рода недоразумѣніямъ, памятуя, что японскимъ городовымъ нелегко опредѣлять общественное положеніе иностранцевъ. Наконецъ, многія вещи, допустимыя въ одной странѣ, не дозволяются въ другой, и т. п.

Хотя японскія власти и старались поднять уровень полиціи, но послѣдніе годы показали, какъ это трудно при сохраненіи прежнихъ окладовъ, недостаточныхъ для поддержанія ихъ теперь на томъ же жизненномъ и общественномъ уровнѣ, какъ въ первыя времена реставраціи. Недавно оклады полицейскихъ чиновъ были нѣсколько увеличены, но все же они малы, колеблясь отъ 9 до 15 іенъ въ мѣсяцъ; этого едва хватаетъ при возрастающей дороговизнѣ жизни. Однако, возрастаніе мѣстныхъ расходовъ препятствуетъ дальнѣйшему увеличенію полицейскихъ окладовъ. Для лицъ, долго прослужившихъ въ полиціи или лишившихся трудоспособности при исполненіи своихъ обязанностей, существуетъ система пенсій. За выдающіяся заслуги назначаются награды и другіе виды поощренія; но все это не можетъ поднять полиціи на прежній уровень.

Въ Токио имѣется такъ называемая Коллегія Полиціи и Тюремъ подъ наблюденіемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Это не есть высшая школа въ собственномъ смыслѣ этого слова, а мѣсто, гдѣ полицейскіе и тюремные чиновники учатся исполненію своихъ обязанностей теоретически и практически. Каждый губернаторъ выбираетъ наиболѣе обѣщающихъ молодыхъ чиновъ изъ полицейскихъ кадровъ своей префектуры и посылаютъ ихъ въ эту коллегію. Закончивъ здѣсь образованіе, они



по возвращеніи своемъ на мѣсто службы обучаютъ другихъ чиновъ. Эта коллегія была учреждена въ годъ пересмотра договоровъ съ западными державами и оказалась весьма полезнымъ учрежденіемъ. Учителями въ ней сперва были большей частью иностранцы, теперь же ихъ мѣста занимаютъ почти исключительно японцы.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о такъ называемой „полиціи по закону“, существующей у насъ. Банкъ, либо крупная торговая фирма, или муниципальное учрежденіе, или частная школа, или даже частныя лица съ виднымъ общественнымъ положеніемъ могутъ просить, чтобы къ занимаемому ими помѣщенію было командировано на постоянное дежурство нѣсколько городскихъ. Эти городовые ничѣмъ не отличаются отъ другихъ своихъ товарищей, только расходы по ихъ содержанію оплачиваются учрежденіемъ, потребовавшимъ ихъ. Определенная сумма, устанавливаемая губернаторами по соглашенію съ мѣстнымъ собраніемъ, должна вноситься въ казну за каждаго городского, отряженного на дежурство. Дежурятъ не всегда одни и тѣ же городовые, но всегда въ потребномъ числѣ. Эта система оказалась весьма удобной для властей и для публики.

## II. Тюрьмы.

Обработано министерствомъ юстиціи.

Главный надзоръ за тюремнымъ дѣломъ въ Японіи принадлежитъ министру юстиціи, которому непосредственно подчиняются центральныя тюрьмы, мѣстныя же тюрьмы подчинены мѣстному префекту. Надзоръ за тюрьмами сосредоточивается въ особомъ тюремномъ бюро, состоящемъ при министерствѣ юстиціи. Въ настоящее время это бюро состоитъ изъ директора, трехъ тюремныхъ инспекторовъ, пятнадцати писмоводителей и девяти низшихъ служащихъ. Бюро раздѣляется на три департамента: тюремнаго управленія, тюремныхъ доходовъ и расходовъ, тюремной статистики. Во главѣ каждаго стоитъ тюремный инспекторъ, и вся работа распредѣляется между этими тремя департаментами такимъ образомъ: первый вѣдаетъ всѣ дѣла о помилованіяхъ, реабилитаціяхъ, освобожденіяхъ ссыльныхъ, временномъ освобожденіи отъ полицейскаго надзора, исполненіи смертныхъ приговоровъ и другія общія тюремныя дѣла. Второй занимается всѣми вопросами тюремнаго труда и тюремныхъ доходовъ и расходовъ. Третій занимается составленіемъ всѣхъ статистическихъ отчетовъ, касающихся тюрьмы и заключенныхъ. Планы сооруженія и ремонта тюремъ составляются опытными архитекторами въ строительномъ отдѣлѣ бюро общихъ дѣлъ министерства юстиціи.

Въ Японіи теперь имѣется 139 тюремъ; четыре центральныя имѣютъ два филиальныхъ отдѣленія; 51 мѣстныхъ имѣютъ 82 филиальныхъ отдѣленія. Центральныя тюрьмы и ихъ отдѣленія назначены для лицъ мужского пола, приговоренныхъ по новому уложенію въ смирительный домъ, а по старымъ уголовнымъ законамъ къ пожизненному заключенію. Мѣстныя тюрьмы и отдѣленія предназначаются для лицъ обоего пола, приговоренныхъ къ заключенію, или аресту, и для женщинъ, приговоренныхъ въ смирительный домъ. Надъ центральными и мѣстными тюрьмами стоятъ особые начальники, имѣющіе надзоръ за арестантами и всѣми дѣлами, до нихъ касающимися. Въ отдѣленіяхъ начальствуютъ особо назначенныя лица. Для отдѣленій



мѣстныхъ тюремъ они назначаются изъ числа тюремныхъ писмоводителей, которые сохраняютъ при этомъ свою прежнюю должность, а въ отдѣленія центральныхъ тюремъ они назначаются особо.

Такимъ образомъ имѣется пятьдесятъ пять начальниковъ для управленія центральными и мѣстными тюрьмами, и два начальника отдѣленій центральныхъ тюремъ. Кромѣ нихъ, имѣется 11.995 тюремныхъ чиновниковъ: при центральныхъ: 88 писмоводителей и главныхъ надзирателей, 15 врачей, 1.071 сторожъ, 15 капеллановъ, 65 инструкторовъ и 120 служащихъ въ отдѣлѣ труда—всего 1.377 душъ. При мѣстныхъ тюрьмахъ: 734 писмоводителя и главныхъ надзирателя, 15 переводчиковъ, 7.037 сторожей, 249 инструкторовъ и стражей, 227 врачей, 160 капеллановъ, 433 смотрительницы для заключенныхъ женщинъ, 633 тюремщика, 390 рабочихъ инструкторовъ, 35 почетныхъ тюремныхъ врачей, 28 почетныхъ капеллановъ и 626 служащихъ—всего 10.676 душъ.

Число сторожей, смотрительницъ и тюремщиковъ опредѣляется числомъ заключенныхъ, а также устройствомъ зданія. Общее правило—75 сторожей на каждыхъ 500 арестантовъ мужского пола; эта пропорція поддерживается добавленіемъ или удаленіемъ 5 сторожей на каждыхъ 50 вновь прибывшихъ или выбывшихъ арестантовъ. Смотрительницъ приходится 5 на каждыхъ 25 узницъ; при увеличеніи или уменьшеніи ихъ числа добавляется или удаляется 1 смотрительница на 25 заключенныхъ. Восемь тюремщиковъ поставлено въ пропорціи 10 на 500 заключенныхъ, на каждыхъ 100 вновь прибывающихъ или выбывающихъ узниковъ приставляется или снимается 1 тюремщикъ.

Оклады тюремныхъ чиновниковъ сильно колеблются въ зависимости отъ ранга и мѣстныхъ условій. Начальники получаютъ отъ 600 до 1.800 іенъ въ годъ. Окладъ писмоводителей и главныхъ надзирателей колеблется отъ 15 до 75 іенъ въ мѣсяцъ, а сторожа отъ 9 до 25 іенъ въ мѣсяцъ. Смотрительницы получаютъ 6—15 іенъ въ мѣсяцъ, а тюремщики зарабатываютъ отъ 5 до 15½ іенъ въ мѣсяцъ.

Тюрьмы долгое время содержались за счетъ мѣстныхъ налоговъ, и въ управленіи ими отсутствовало однообразіе. Часто трудно было добиться согласія мѣстныхъ властей на перестройку тюрьмы, въ виду того, что требуемый на это расходъ могъ вызвать повышеніе мѣстныхъ налоговъ, и такъ уже сильно повышенныхъ на предметъ необходимыхъ улучшеній въ инженерныхъ работахъ, въ народномъ образованіи и санитарной части. Поэтому многія тюрьмы оказались въ крайне ветхомъ и жалкомъ состояніи. Въ 1900 г. правительство переложило бремя содержанія тюремъ на центральное казначейство, видя въ этомъ единственный путь къ улучшенію дѣла. Вскорѣ послѣ этого предпринята была перестройка тюрьмы Коджибаши въ Токио, и тюремъ въ префектурахъ Шиба, Нара, Ишикава, Нагасаки и Кагошима. Для этой цѣли вотировано было на шесть лѣтъ по 400.000 іенъ въ годъ; если позволятъ финансы, предполагается вести это дѣло и въ провинціальныхъ пунктахъ, пока всѣ японскія тюрьмы не будутъ приведены въ полный порядокъ. По плану переустройства новыя тюрьмы въ Нара и Нагасаки будутъ кирпичными, а въ Кагошимѣ частью деревянными, частью каменными. Въ Шиба новая тюрьма будетъ изъ дерева и кирпича; въ Токио тюрьма Коджибаши будетъ деревянная, какъ и тюрьма въ Ишикава. Во всѣхъ этихъ тюрьмахъ будетъ примѣняться смѣшанная система одиночнаго и общаго заключенія. Камеры одиноч-



наго заключенія будутъ составлять треть общаго числа камеръ въ тюрьмахъ, остальные двѣ трети предназначаются для общаго заключенія. Окна будутъ большія, чтобы въ камеры проникало достаточно свѣта и воздуха.

Старыя тюрьмы всѣ построены изъ дерева и въ нихъ практикуется система общаго заключенія. Одиночныя камеры предназначены для иностранныхъ преступниковъ, которые снабжаются бѣльемъ, постелями и всѣми другими предметами, къ которымъ они привыкли; особенное вниманіе обращается на ихъ привычки, дабы они не страдали въ непривычной для нихъ обстановкѣ японской тюрьмы.

Въ 1889 году была учреждена школа для подготовки тюремныхъ чиновниковъ. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя неотвратимыя обстоятельства заставили временно отказаться отъ этого проекта, и школа была закрыта вскорѣ по окончаніи первымъ выпускомъ студентовъ установленнаго въ ней курса. Такъ какъ правительству трудно было найти свѣдущихъ чиновниковъ для проведенія намѣченныхъ улучшеній, то снова возникла мысль объ учрежденіи специальной школы, и въ 1900 г. въ Токио былъ сдѣланъ второй опытъ; открытая въ этомъ году школа оказываетъ цѣнныя услуги дѣлу образованія.

Студенты избираются мѣстными префектами изъ числа тюремныхъ писмоводителей и главныхъ надзирателей и отправляются на одинъ годъ въ школу. Учебный курсъ обнимаетъ общія начала юриспруденціи, конституціонное право, уголовное уложеніе, уставъ уголовного судопроизводства, ученіе о наказаніяхъ, тюремную гигиену, криминологию, статистику, гражданское право и военную дисциплину. Число студентовъ колеблется по годамъ, между 80 и 100; въ февралѣ 1903 г. окончилъ курсъ 71.

Хотя главной цѣлью этихъ школъ является подготовка высшихъ чиновниковъ, однако правительство не пренебрегло образованіемъ и низшихъ чиновъ тюремной іерархіи. Эти послѣдніе до вступленія въ отправленіе своихъ обязанностей должны болѣе двухъ мѣсяцевъ получать практическую подготовку въ стѣнахъ тюрьмы.

Въ подходящий моментъ они сдаютъ экзаменъ, носящій характеръ предварительнаго испытанія, и приступаютъ къ опредѣленному имъ дѣлу лишь по успѣшномъ выдержаніи окончательнаго экзамена, сдаваемого въ концѣ подготовительнаго періода. Наставники выбираются обыкновенно изъ писмоводителей и главныхъ надзирателей, прошедшихъ полный курсъ специальныхъ наукъ.

Младшіе тюремные чины изучаютъ слѣдующіе предметы:

1. Тюремные порядки и правила о ихъ соблюденіи.
2. Правила исполненія различныхъ обязанностей смотрителей и служащихъ при тюрьмѣ.
3. Общій очеркъ уголовного уложенія и устава уголовного судопроизводства.
4. Общій очеркъ дисциплинарныхъ правилъ гражданской службы.
5. Общій очеркъ законовъ и правилъ относительно тюремъ и заключенныхъ.
6. Общія понятія о дисциплинѣ и уходѣ за заключенными.
7. Общія понятія объ обращеніи съ заключенными.
8. Общія понятія объ организаціи тюремнаго труда.
9. Общія понятія о санитарномъ состояніи тюремъ и объ уходѣ за больными арестантами.



10. О веденіи реестровъ и составленіи отчетовъ.

11. Понятія о выправкѣ, манерахъ, одеждѣ и другихъ формальныхъ мелочахъ.

12. Практическія упражненія, какъ-то: военные приемы, примѣненіе дисциплинарныхъ орудій, стрѣльба, фехтованіе, джѹдзутсу—особое японское искусство бороться противника и брать его въ плѣнъ;—приемы регистраціи и составленія докладовъ о физическомъ состояніи заключенныхъ, и т. п.

Число заключенныхъ неодинаково въ разные годы, но съ 1899 г. замѣчается тенденція къ уменьшенію. Отношеніе числа заключенныхъ къ общему числу населенія Японіи приблизительно равняется  $3\frac{1}{2}$  къ 1.000. Съ одной стороны, число преступленій уменьшается, съ другой—число проступковъ постепенно возрастаетъ.

Представленія о помилованіи дѣлаются государственнымъ прокуроромъ суда, постановившаго приговоръ, или тюремнымъ начальникомъ, министру юстиціи; одновременно съ этимъ отправляется прошеніе императору съ изложеніемъ хорошаго поведенія и бѣдственнаго положенія осужденнаго. Это прошеніе подаетъ императору министр юстиціи вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ.

Въ 1897 г. было помиловано 28 преступниковъ, въ 1898—33; въ 1899—19; въ 1900—70; а въ 1901—92.

Объ условномъ освобожденіи тюремный начальникъ докладываетъ министерству юстиціи, съ изложеніемъ особыхъ обстоятельствъ, въ силу которыхъ онъ считаетъ возможнымъ досрочно освободить лицъ, отбывшихъ три четверти своего срока и хорошимъ поведеніемъ и добросовѣстнымъ подчиненіемъ тюремной дисциплинѣ доказавшихъ свое желаніе исправиться. Если министр юстиціи найдетъ его доводы заслуживающими уваженія, то дѣлаетъ административное распоряженіе объ освобожденіи помннутыхъ лицъ и объ отдачѣ ихъ подъ особый надзоръ полиціи на остающійся срокъ. Въ 1897 г. условное освобожденіе даровано было 321 преступнику; въ 1898—338; въ 1899—398; въ 1900—346; въ 1901—323.

Долговременнымъ опытомъ Японія пришла къ убѣжденію, что смертная казнь необходима, какъ наказаніе за слѣдующія преступленія: убійство, нанесеніе смертельныхъ ранъ, грабежъ съ насиліемъ, убійство или раненіе дѣтьми своихъ отцовъ, матерей, дѣдовъ и бабокъ, и поджогъ.

Смертная казнь чаще назначается за убійство, нанесеніе смертельныхъ ранъ и грабежъ съ насиліемъ, чѣмъ за другія изъ перечисленныхъ преступленій, но вообще число этихъ преступленій постепенно сокращается. Въ 1897 г. подвергся смертной казни 21 человекъ; въ 1898—29; въ 1899—39; въ 1900—34; въ 1901—26.

По нынѣ дѣйствующимъ правиламъ начальники тюрьмы могутъ награждать медалями арестантовъ, доказавшихъ свое желаніе исправиться хорошимъ поведеніемъ, тщательнымъ соблюденіемъ тюремныхъ правилъ и трудолюбіемъ. Медалью арестантъ можетъ быть награждаемъ не болѣе трехъ разъ; она играетъ роль мѣрила при опредѣленіи того, достоинъ ли заключенный помилованія, а затѣмъ и того, въ какой степени можетъ быть смягченъ режимъ арестанта. Это смягченіе выражается въ слѣдующемъ:

1. Всѣ медалисты снабжаются лучшей одеждой и другими предметами.



2. Каждому медалисту дозволяется отправлять два письма въ мѣсяцъ.

3. Медалисты пользуются правомъ купаться раньше прочихъ арестантовъ, причѣмъ дается, по японскому обычаю, горячая вода.

4. Довольствіе медалистамъ выдается въ усиленномъ размѣрѣ, соотвѣтственно числу медалей, въ общемъ два или менѣ сена лишнихъ на обѣдъ. Оно выдается разъ въ недѣлю имѣющимъ одну медаль, два раза въ недѣлю — имѣющимъ двѣ медали и три раза въ недѣлю — имѣющимъ три медали.

5. Изъ заработанныхъ суммъ выдается:

Три десятыхъ каждому преступнику, имѣющему одну медаль.

Четыре десятыхъ осужденному за проступокъ и заслужившему одну медаль.

Четыре десятыхъ преступнику, имѣющему двѣ медали.

Пять десятыхъ преступнику, имѣющему три медали.

Шесть десятыхъ виновнику въ проступкѣ, имѣющему три медали.

Остальное идетъ на покрытіе тюремныхъ расходовъ.

Дисциплинарныя взысканія, налагаемыя на арестантовъ, бываютъ троякаго рода: 1) одиночное заключеніе въ камерѣ съ окномъ; 2) уменьшеніе пищевого довольствія; 3) одиночное заключеніе въ темномъ помѣщеніи. Въ первомъ случаѣ провинившагося заключаютъ на два дня и двѣ ночи или на меньшій срокъ въ камерѣ, удаленной отъ общей камеры или помѣщенія тюремныхъ служащихъ, гдѣ наказанный обязанъ работать въ рабочіе часы. Во второмъ сокращаютъ количество пищи на половину или треть срокомъ до одной недѣли. Въ третьемъ случаѣ провинившагося запираютъ на срокъ до пяти дней въ темномъ помѣщеніи, причѣмъ пища выдается въ половинномъ или третнемъ размѣрѣ; ни постели, ни мебели не полагается. Если малолѣтніе преступники, не достигшіе шестнадцати лѣтъ, или неосужденныя дѣти, содержащіяся въ особыхъ исправительныхъ учрежденіяхъ, нарушаютъ правила тюремной дисциплины, то ихъ наказываютъ, смотря по степени вины, одиночнымъ заключеніемъ, либо уменьшеніемъ довольствія — въ первомъ случаѣ на семнадцать сутокъ, во второмъ — на половину или треть обычной порціи, срокомъ не менѣ трехъ дней.

Въ послѣднее время правительство обращаетъ особенное вниманіе на улучшеніе санитарныхъ условій тюремнаго быта. Тюрьмы стараются устраивать такъ, чтобы въ нихъ проникало побольше воздуха и свѣта. Принимаются всѣ мѣры противъ заноса инфекціонныхъ болѣзней, опрятность всячески поощряется. Лица, подозрѣваемые насчетъ инфекціонной болѣзни, тщательно изолируются отъ здоровыхъ, и всякое сношеніе между ними прекращается. Всѣ заключенные обязаны ежедневно гулять въ отведенномъ для того дворѣ не менѣ получаса. Купаться разрѣшается лѣтомъ каждые пять, а зимою каждые десять дней, причѣмъ это условіе разнообразится въ зависимости отъ рода труда и другихъ обстоятельствъ заключеннаго. Для иностранцевъ — заключенныхъ устроены ванны и другія купальныя приспособленія, къ которымъ они привыкли. Между пищей туземныхъ и иностранныхъ заключенныхъ существуетъ значительная разница; первая состоитъ изъ смѣси риса и пшеницы, сваренныхъ въ водѣ, въ пропорціи четырехъ къ шести. Одному лицу выдается не болѣе трехъ „го“<sup>1</sup> (го =  $\frac{1}{3}$  фунта) на одинъ пріемъ, хотя количество сообразуется съ родомъ

<sup>1</sup> Го — англ. мѣра (стаканъ).



работы и другими обстоятельствами заключенного; пища готовится изъ доброкачественнаго, питательнаго матеріала. Иностранцамъ дается гораздо лучшая пища, притомъ по ихъ вкусу. Вотъ таблица смертности среди больныхъ арестантовъ:

| Годъ. | Больныхъ. | Умерло. | Число смертей<br>на 1000 арестантовъ |
|-------|-----------|---------|--------------------------------------|
| 1896  | 1.456.058 | 3.864   | 8,59                                 |
| 1897  | 1.131.480 | 2.830   | 6,13                                 |
| 1898  | 1.346.926 | 3.166   | 6,88                                 |
| 1899  | 260 069   | 1.731   | 4,28                                 |
| 1900  | 287.804   | 1.212   | 3,06                                 |

Въ большинствѣ случаевъ обязательныя работы налагаются на заключенныхъ съ той цѣлью, чтобы приучить ихъ къ полезному труду и поощрять прилежаніе, дабы по выходѣ изъ тюрьмы они легче могли себѣ найти занятіе. Поэтому правительство установило разнообразныя работы, не вредящія здоровью. Работы бываютъ двоякаго рода: 1) для правительства; 2) для частныхъ лицъ или учреждений. Въ первомъ случаѣ капиталъ берется изъ фонда на тюремныя расходы, коимъ покрываются расходы на покупку инструментовъ, матеріаловъ и т. д. Во второмъ случаѣ работы организуются, какъ частное дѣло отдѣльныхъ лицъ, учреждений или обществъ, входящихъ въ соглашеніе съ тюрьмой, или нанимающихъ арестантовъ за извѣстное вознагражденіе. Капиталъ и матеріалы доставляются, разумѣется, нанимателями.

Правительственныя работы заключаются въ производствѣ предметовъ, необходимыхъ для тюремъ и другихъ казенныхъ учреждений, а также и въ горныхъ и инженерныхъ работахъ. Главныя отрасли: ткачество, столярныя и плотничныя работы, кузнечное ремесло, соломенные издѣлія, выдѣлка кирпичей, добыча угля, фабрикація бумаги, постройка и ремонтъ зданій. Кирпича много требуется для казенныхъ надобностей.

Частныя работы чаще носятъ такой характеръ: выдѣлка шелковыхъ тканей, подошвъ для японскихъ носковъ, фланели, циновокъ, японской обуви, кирпича, спичекъ, японскихъ ширмъ, учива (круглый, нескладывающійся японскій вѣеръ); обработка хлопка и ломка камня.

Первоначально всѣ тюремныя расходы Японіи покрывались центральнымъ казначействомъ, но въ 1880 г. содержаніе мѣстныхъ тюремъ и арестныхъ домовъ отнесено на счетъ мѣстныхъ и муниципальныхъ расходовъ. Но эта перемѣна не коснулась окладовъ тюремныхъ чиновниковъ и тюремныхъ расходовъ въ Хоккайдо, Окинава и на островѣ Огасавара, гдѣ еще не взимались мѣстные налоги; не коснулась она также расходовъ центральныхъ тюремъ, предназначенныхъ для каторжниковъ и ссыльныхъ по новому закону или пожизненныхъ узниковъ по старому; эти тюрьмы содержатся на счетъ государственнаго казначейства. Съ прогрессомъ цивилизаціи увеличены мѣстные расходы на народное образованіе, на инженерныя работы, на поощреніе земледѣлія и промышленности. Поэтому на поддержаніе тюремъ осталось мало средствъ; этимъ и объясняется недостатокъ пищи, одежды и т. п. въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ, и отсутствіе разнообразія въ управленіи, о которыхъ мы выше говорили. Но правительство рѣшило прекратить положеніе, господствовавшее въ продолженіе 20 лѣтъ, и закономъ 1900 г. № 14 опять отнесло на счетъ государства содержаніе тюремъ, изъявъ ихъ изъ вѣдѣнія мѣстныхъ учреждений. Эта перемѣна послужила какъ



бы сигналомъ къ общей реформаторской дѣятельности въ области тюремнаго управленія и къ улучшенію положенія заключенныхъ. Въ ближайшемъ будущемъ можно надѣяться на значительный прогрессъ тюремнаго дѣла.

Ниже приводимъ таблицу расходовъ и приходовъ, составляющихъ въ общемъ 25% расходовъ

| Расходы                |                 |
|------------------------|-----------------|
| Обыкновенные . . . . . | 5.620.164 іенъ. |
| Чрезвычайные . . . . . | 402.280 „       |
| Всего                  | 6.022.444 іены. |

Примѣчаніе. Чрезвычайные расходы цѣликомъ идутъ на постройки и ремонтъ.

| Доходы                              |                 |
|-------------------------------------|-----------------|
| Отъ заработка арестантовъ . . . . . | 1.424.856 іены. |
| Разные . . . . .                    | 86.434 „        |
| Всего                               | 1.511.290 іены. |

Долгое время тюремная статистика Японіи страдала неполнотой благодаря несовершенству приѣмовъ и недостатку точныхъ свѣдѣній. Но съ годами она усовершенствовалась. Появились у насъ и таблицы, наглядно показывающія мельчайшія детали развитія тюремнаго дѣла. Принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобы данныя этихъ таблицъ отличались величайшей полнотой и точностью, для чего производятся самыя тщательные опросы по карточной системѣ, впервые введенной въ 1900 г. Эти опросы производятся въ различныхъ тюрьмахъ по способу сепаратнаго обслѣдованія особыми статистиками, для того назначенными.

Мы убѣждены, что тюремная реформа должна идти рука объ руку съ развитіемъ благожелательныхъ мѣръ призрѣнія бывшихъ арестантовъ или лицъ, досрочно освобожденныхъ за хорошее поведение, но должны съ грустью констатировать, что это столь важное общественное дѣло находится еще въ младенческой стадіи по сравненію съ быстрымъ прогрессомъ Японіи послѣ реставраціи. Согласно ноябрьскому отчету 1900 г. въ настоящее время въ Японіи имѣется тридцать два общества вспомошествованія такимъ лицамъ; изъ нихъ восемь обладаютъ правами юридическихъ лицъ. До настоящаго времени общества эти, согласно ихъ отчетамъ, оказали помощь 3.358 лицамъ, отпущеннымъ на свободу, но такъ какъ они существуютъ очень недолго, то приемы ихъ дѣйствій пока еще весьма неудовлетворительны, и большимъ успѣхомъ ихъ усилія пока не увѣнчались. Какъ бы то ни было, они стараются вводить улучшенія въ свои методы, и число этихъ обществъ растетъ съ каждымъ годомъ, что доказываетъ, что они имѣютъ будущность, и весьма возможно, что специальное положеніе Японіи не въ долгомъ времени значительно улучшится, благодаря прогрессу цивилизаціи и росту филантропическихъ идей.



## Глава XXVI.

### Искусство и литература.

Барона Суйематсу.

Европейцы часто говорили мнѣ, что Японія сдѣлала необычайные успѣхи для столь ничтожнаго періода, какъ тридцать — сорокъ лѣтъ. Нѣкоторые даже находили ихъ прямо поразительными, принимая во вниманіе полуварварское состояніе, въ которомъ Японія раньше находилась. Нашъ прогрессъ еще переживаетъ стадію юности, и мы, конечно, сознаемъ, сколь многимъ обязаны западнымъ націямъ; мы откровенно признаемся, что нынѣшнее поступательное шествіе по пути цивилизаціи главнымъ образомъ основывается на европейскихъ пріемахъ мышленія и сужденія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я долженъ заявить, что было бы большою ошибкой со стороны европейцевъ думать, будто этотъ переворотъ возможенъ былъ бы безъ солидныхъ предпосылокъ, уже существовавшихъ въ прошломъ Японіи.

Японія въ теченіе многихъ столѣтій обладала своими собственными идеями и чувствами; безъ близкаго знакомства съ ними, кажется намъ, иностранцамъ почти невозможно понять, что такое Японія, и этимъ объясняется ихъ изумленіе. Идеи и чувства народа больше всего проявляются и легче всего могутъ быть прослѣжены въ предметахъ искусства и произведеніяхъ литературы. Съ удовольствіемъ вижу, что на европейскихъ языкахъ издано много книгъ на эти темы, больше всего на англійскомъ. Я просматривалъ нѣкоторыя изъ нихъ; обобщеніе и классификація, встрѣчаемая въ нихъ, вообще великолѣпны, свидѣтельствуя о мастерскомъ умѣнѣи западныхъ писателей, хотя въ области литературы ихъ меньше, чѣмъ въ сферѣ искусства. Я могу все же сказать, что у жителей Запада достаточно средствъ къ тому, чтобы безъ особаго труда изучить исторію духовной жизни Японіи. Несомнѣнно она уже въ значительной мѣрѣ изучена нѣкоторой частью западнаго населенія, но мнѣ кажется, что они это дѣлали больше изъ интереса къ искусству и литературѣ какъ таковымъ, чѣмъ для изученія души Японіи. Мы надѣемся, что это послѣднее будетъ сдѣлано въ непродолжительномъ времени.

Если эти книги не годятся для популярнаго чтенія, то почему бы хорошимъ писателямъ не написать болѣе популярныхъ? Долженъ прибавить, что въ этихъ книгахъ иногда попадаются довольно комичныя ошибки, не взирая на глубину и добросовѣстность авторскихъ изслѣдованій. Даже въ столь солидномъ трудѣ, какъ „Японская литература“



Астона, несомнѣннаго знатока Японіи, попадаются серьезныя ошибки, а о книгахъ менѣе компетентныхъ авторовъ и говорить не приходится. За всѣмъ тѣмъ эти книги имѣютъ въ себѣ столько достоинствъ, что могутъ быть настойчиво рекомендованы для прочтенія.

## I. Искусство.

Этотъ предметъ сталъ такъ обширенъ и сложенъ, что изложить его сколько-нибудь удовлетворительно въ небольшой статьѣ положительно невозможно; поэтому необходимо ознакомиться съ нимъ и по книгамъ. Я здѣсь ограничусь краткимъ очеркомъ исторіи нашего искусства и нашихъ понятій о немъ. Періодъ Нара, соотвѣтствующій восьмому столѣтію европейцевъ, былъ одной изъ великихъ, если не величайшей эпохой въ нашемъ искусствѣ. Нара была императорской резиденціей до Кіото. Памятники искусства этого періода, включая и предыдущія столѣтія, понинѣ больше встрѣчаются въ префектурѣ Нара. Высшаго развитія достигло оно въ скульптурныхъ издѣліяхъ изъ бронзы и дерева, а также въ лакировочныхъ работахъ; архитектура и живопись также стояли очень высоко. Былъ въ употребленіи и искусственный камень (для рельефовъ). Много старинныхъ буддійскихъ храмовъ уцѣлѣло до нашего времени; въ нихъ можно видѣть старинныя изображенія, упомянутыя выше, которыхъ не мало и въ императорскомъ музеѣ. Нара со своими окрестностями является однимъ изъ немногихъ мѣстъ, представляющихъ исключительный интересъ для иностранцевъ. Конечно, я не ставлю японскія произведенія искусства на одну доску съ греческими, но намъ очень лестно, когда въ связи съ нашей скульптурой этого періода знатоки упоминаютъ о греческой и находятъ возможнымъ сравнивать ихъ. Д-ръ Андерсонъ, говоря объ этомъ періодѣ въ своей книгѣ „Pictorial Art of Japan“, выражается слѣдующимъ образомъ:

„Какова бы ни была достовѣрность большей части древнихъ лѣтописей, все же несомнѣнно, что металло-скульптура стояла у японцевъ на очень высокой ступени тысячю лѣтъ тому назадъ, и многія произведенія искусства этого періода свидѣтельствуютъ о широтѣ замысла и смѣлости воображенія, свойственныхъ лишь даровитой и энергичной расѣ; къ сожалѣнію, послѣдующія ошибки мало прибавили къ славѣ, заслуженной творцами огромныхъ бронзъ, украшающихъ древнюю столицу Нара“.

Капитанъ Бринклей говоритъ въ своемъ большомъ трудѣ о Японіи, указавъ на оригинальность японцевъ этого періода:

„Люди, которые могли задумать и исполнить колоссальную бронзовую фигуру Вайрочана Будды въ Нара и многочисленныя изображенія, хранящіяся въ мѣстномъ храмѣ, не имѣли надобности прибѣгать къ услугамъ китайцевъ или корейцевъ. Тѣмъ не менѣе, если ваяніе, лакировка и накладныя работы достигли въ эту эпоху высокой степени развитія, живопись носила второстепенный характеръ... черты, составляющія главную прелесть и особенность японскаго генія позднѣйшихъ вѣковъ, еще тогда не получили развитія... но какъ скульпторы они безспорно стоятъ во главѣ мастеровъ дальняго Востока, и хотя степень этого превосходства мѣнялась изъ столѣтія въ столѣтіе, однако самая наличность его не подлежитъ никакому сомнѣнію.“

И дѣйствительно, колоссальнаго Дайбутсу, бронзоваго Будды Нары



и ему подобныя изображенія стоить посмотрѣть всякому. Правда, голова этого Будды нехороша — это сравнительно новая голова, придѣланная гораздо менѣ искусными руками послѣ гибели первоначальной головы во время пожара, случившагося во время войны; но по художественному исполненію отдѣльных частей туземные знатоки заключаютъ, что голова была столь же хороша, если не лучше головы огромнаго Будды изъ Камакуры, созданнаго во второй половинѣ двѣнадцатаго вѣка. Этого послѣдняго Будду всѣ западные знатоки искусства единогласно признаютъ достойнымъ занять мѣсто среди великихъ міровыхъ произведеній. Я ограничусь выдержкой изъ книги французскаго художественнаго критика „Орнаментальное искусство Японіи“, который выражается такъ:

„Народъ, сумѣвшій такъ воплотить самыя прозрачныя метафизическія тайны, долженъ былъ обладать высокими представленіями о цѣляхъ искусства“.

Послѣ періода Нара наступилъ періодъ Хейанъ. Хейанъ это современный Кіото. Въ теченіе одиннадцати вѣковъ, отъ конца періода Нара до начала нынѣшняго императорскаго режима, онъ былъ столицей Японіи; но когда мы говоримъ о періодѣ Хейанъ, то имѣемъ въ виду лишь первые четыре вѣка его. Въ этомъ періодѣ японское искусство и вообще культура стояли на весьма высокой степени развитія, хотя нѣсколько въ иномъ родѣ, чѣмъ въ періодѣ Нара. Въ періодѣ Нара искусство, какъ мы видѣли, также стояло очень высоко, но оно было до нѣкоторой степени подчинено религіи. Самостоятельной роли оно, повидимому, не играло; индивидуальность художника, поэтому, не проявлялась въ замѣтной степени. Картина почти всегда писалась на религиозный сюжетъ, и пользовались ею, какъ религиознымъ символомъ, отнюдь не какъ произведеніемъ искусства, которымъ можно любоваться и съ которымъ соединяютъ имя того или другого художника. Въ періодѣ Хейанъ положеніе вещей значительно измѣнилось, особенно въ области живописи, произведеніями которой японцы научились любоваться, какъ таковыми, и общественная оцѣнка стала направляться и на личность художника. Въ эту то эпоху появились такіе мастера, какъ Канаока и Нобузана, появились картины на историческіе сюжеты и изображенія ландшафтовъ. Вообще все искусство періода Хейанъ отличается болѣе широкимъ размахомъ. Характеристикою отношеній, въ какихъ тогдашняя живопись стала къ общественной жизни, можетъ служить прекрасная иллюстрація знаменитаго романа „Генджи Моногатари“, какую представляетъ собой глава „Йе-авазе“, что означаетъ „состязаніе картинъ“. Въ этотъ періодъ въ большомъ ходу былъ обычай „Йе-авазе“ — „состязаніе поэзій.“ Оно происходило слѣдующимъ образомъ: дамы и мужчины, искусные въ стихосложеніи, должны были собираться въ опредѣленномъ мѣстѣ въ назначенное время и состязаться между собой по двое — одинъ слѣва, другой справа отъ компетентныхъ судей, подвергавшихъ критической оцѣнкѣ ихъ произведенія; когда одна пара кончала, ея мѣсто занимала другая, и т. д. Состязаніе картинъ, безъ сомнѣнія, было подражаніемъ этому поэтическому состязанію. Чтобы дать большее представленіе о тогдашнемъ обществѣ, я позволю себѣ привести слѣдующій отрывокъ изъ „Генджи Моногатари“:

„Императоръ очень любилъ картины и самъ рисовалъ весьма недурно. Госпожа Слива раздѣляла вкусы императора и также часто раз-



влекалась живописью. И если ему нравились заурядные царедворцы, обнаруживающие склонность къ живописи, то неудивительно, если онъ любилъ слѣдить за нѣжными ручками дамы, старательно накладывавшими краски. Это сходство вкусовъ постепенно приковывало къ ней его вниманіе и въ концѣ концовъ привело къ частымъ посѣщеніямъ „Комнаты Сливы“. Когда Гонъ-Чіонагонъ узналъ объ этомъ, то рѣшилъ самъ вмѣшаться въ это дѣло и возбудить духъ соперничества. Онъ всевозможными средствами старался ослабить вліяніе живописи на императора и поручалъ знаменитымъ художникамъ того времени писать картины. Большинство ихъ было написано на сюжеты изъ старыхъ романовъ; онъ понималъ, что такіа картины привлекутъ чистю фантастическихъ изображеній. Онъ заказалъ также изображеніе каждаго мѣсяца въ году, въ расчетѣ, что они понравятся императору. Когда картины были написаны, онъ ихъ представилъ ко двору и показалъ императору, но не позволилъ брать ихъ въ „Комнату Сливы“, а помѣстилъ ихъ въ комнатѣ своей дочери.

„Генджи, услышавъ объ этомъ, сказалъ о своемъ шуринѣ: „онъ молодеж; онъ не отстаетъ отъ другихъ“. Однако, онъ не могъ оставить этого дѣла безъ вниманія и сказалъ императору, что желаетъ показать ему нѣсколько старыхъ картинъ; вернувшись въ свой домъ Ниджію, онъ открылъ свой кабинетъ, гдѣ хранилось много старыхъ и новыхъ картинъ. Съ помощью Фіалки онъ выбралъ изъ нихъ лучшія, оставивъ, однако, такіа, какъ изображеніе „Долгихъ сожалѣній“ и „О-Шіо-Кунъ“, каковыя исторіи имѣли трагическое окончаніе. Онъ взялъ также изъ своего кабинета эскизы, сдѣланные въ Сума и Акаши, показавъ ихъ впервые Фіалкѣ, которая выразила неудовольствіе на то, что онъ не показалъ ихъ ей раньше.

„Было около десятаго февраля, и лицо природы начинало улыбаться въ предвкушеніи весны, вливающей радость и миръ въ сердца людей; кромѣ того, при дворѣ въ это время не было празднествъ. Нельзя было найти болѣе удачной минуты, чтобы развлечь незанятыхъ людей картинной выставкой. Генджи отослалъ свое собраніе картинъ во дворецъ, въ комнату Сливы. Во дворцѣ оно произвело сенсацию. Большинство картинъ, которыми владела госпожа Слива, были написаны на сюжеты изъ старыхъ романовъ, самыя картины были старинныя и рѣдкія, между тѣмъ какъ картины Кокиденъ были написаны на современныя темы современными художниками. И тѣ, и другія обладали своими особыми достоинствами, такъ что трудно было сказать, какія лучше. Говорить о картинахъ стало модой тогдашнихъ придворныхъ. Находившаяся тогда при дворѣ мать императора, увидѣвъ эти картины и услышавъ разсужденіе объ ихъ относительныхъ достоинствахъ, предложила придворнымъ раздѣлиться на двѣ партіи, правую и лѣвую, для правильнаго производства оцѣнки. Такъ и сдѣлали: Хеи-Наиши-но-суке, Джиджію-но-Наиши и Шіошію-но-Мейфу помѣстились слѣва, на сторонѣ комнаты Сливы; а Дайни-но-Наиши-но-суке, Чіуджію-но-Мейфу и Хіюе-но-Мейфу помѣстились слѣва, на сторонѣ Кокиденъ.

„Первой была выбрана картина на сюжетъ „Рѣзчика бамбука“, лѣвой партіей, такъ какъ это былъ отецъ романовъ, то обсужденіе достоинствъ картины лучше всего было начать именно съ этой иллюстраціи. Параллельно правая партія выбрала „Тошикоге“, изъ „Пустого лѣса“. Лѣвая партія такъ объяснила свой выборъ: „Бамбукъ,



и повѣсть о немъ—вещь старая и общеизвѣстная, но дѣвица Какуйя, сохранившая чистоту въ этомъ мірѣ, поистинѣ достойна удивленія; кромѣ того, это событіе, принадлежащее къ доисторической эпохѣ. Ни одна обыкновенная женщина не можетъ сравниться съ ней, и потому эта картина превосходна“. Правая на это возражала слѣдующее: „Небо, куда ушла дѣвственная Какуйя, дѣйствительно высоко, но оно недоступно человѣку, и потому мы можемъ оставить его въ сторонѣ. Когда она явилась въ нашъ міръ, она была вѣдь бамбуковымъ созданіемъ; мы можемъ даже считать ее ниже себя. Можетъ быть, и правда, что она пролила яркій свѣтъ на внутренность хижины, но она никогда не сіяла въ августѣйшемъ обществѣ дворца. Милліоны, затраченные Абе-но-оши на раздобытіе такъ называемой несгораемой крысы, мгновенно сгорѣвшей въ огнѣ, просто смѣшны. Мнимая вѣтка драгоценностей принца Курамочи была просто иллюзіей. Кромѣ того, картина написана Коше-но-ома, съ примѣчаніями Цурайюки. Имена не очень громкія. Бумага Камійя, лишь покрытая китайскимъ атласомъ. Наружный покровъ красновато-пурпурный, а центральный стержень—цвѣта сандалнаго дерева. Это весьма заурядныя украшенія. Наконецъ, Тошикаге, хотя и перенесъ суровое испытаніе бурь и попалъ въ чужую страну, но въ концѣ концовъ прибылъ въ тотъ край, куда первоначально былъ посланъ, а оттуда вернулся на родину, добившись своей цѣли и признанія своей доблести дома и внѣ родины. Эта картина отражаетъ жизнь этого человѣка, изображая много спенъ не только его родины, но и чужихъ странъ, что не можетъ не быть интереснымъ. Мы поэтому ставимъ эту картину выше другой“.

„Картина эта написана на толстой бѣлой бумагѣ, наружный покровъ зеленый, центральный стержень нефритовый. Картина написана Цуненори, а объясненія Мичикадже. Это были лучшіе мастера эпохи. Лѣвая не возражала больше правой. Затѣмъ сравнивались романъ Ишѣ съ лѣвой, и Шіо Сами съ правой. И здѣсь сразу трудно было рѣшить вопросъ въ чью-нибудь пользу. Произведеніе съ правой повидимому имѣло больше прелестей, ибо въ немъ прекрасно изображалось болѣе новое общество.

„Хей-Наиши, съ лѣвой, сказалъ поэтому:

„Если, покинувъ пучины ночного моря Ишѣ,  
Погрузимся мы въ бездны мечты современной,  
То вся красота и искусство древности  
Будутъ сметены прочь потокомъ искусства новѣйшаго“.

„Кто желаетъ погубить славу Нарихиры ради заносчиваго хвастовства нашихъ дней?

„На это Дайни-но-Нагиши-но-суке отвѣтилъ:

„Духъ благородный, воспарившій вверхъ  
На звѣздами усыянное небо,  
Довольнымъ окомъ внизъ глядитъ,  
Въ безумныя пучины дали“.

„Здѣсь вмѣшалась императрица-мать. Она объявила, что „возвышенное благородство князя Хіюе не можетъ остаться незамѣченнымъ, но и не можетъ затмить имени Нарихиры“.

„Хотя всѣмъ хорошо знакомы  
Милые берега моря Ишѣ,  
Но и имя почтенное престарѣлаго рыбака  
Заслуживаетъ уваженія“.



„Предстояло рассмотреть еще несколько картинъ, и споры объ ихъ достоинствахъ приняли весьма жаркій характеръ; одна картина обсуждалась особенно долго.

„Тѣмъ временемъ на сцену явился Генджи. Онъ высказалъ мысль, что если ужъ устраивать состязаніе, то лучше всего въ особо назначенный день, болѣе торжественнымъ образомъ и въ присутствіи императора. Это предложеніе было принято, и споры прекратились.

„Назначили день. Эксъ-императоръ, увѣдомленный объ этомъ, принесъ нѣсколько картинъ дамъ изъ комнаты Сливы. Онъ представляли собою по большей части иллюстраціи придворныхъ празднествъ и сопровождались пояснительными замѣчаніями императора Генджи. Кромѣ того была картина, специально написанная по его заказу Кимочи. Она изображала церемонію, происходившую въ его дворцѣ при отъѣздѣ этой дамы въ Ишѣ нѣсколько времени передъ тѣмъ, куда она отправлялась въ качествѣ Сангу. Возможно также, что нѣкоторые изъ его картинъ попали и къ ея соперницѣ, госпожѣ Кокидентъ, при посредствѣ матери (мать первой приходилась сестрой второй).

„Къ назначенному дню все было приготовлено въ большой залѣ внутренней половины дворца, мѣсто императора было вверху. Придворныя дамы обѣихъ партій—дамы изъ комнаты Сливы, и дамы Кокидентъ—помѣстились слѣва и справа; лѣвыя, т. е. партія Сливы, лицомъ къ югу, а правыя лицомъ къ сѣверу. Заняли свои мѣста и придворные. Принесли картины. Ящикъ лѣвой сдѣланъ былъ изъ пурпурнаго сандаловаго дерева. Подставка, на которой онъ помѣщался, была шафранная, а поверхъ было наброшено покрывало изъ китайской парчи, съ блѣдноцвѣтной основой. Нижняя подстилка была изъ китайскаго цвѣтнаго шелка. Шесть молодыхъ дѣвушекъ внесли все это и размѣстили въ порядкѣ. Ихъ казами (верхняя одежда) были краснаго и вишневаго цвѣта, съ туниками изъ ткани вистарія (блѣднопурпуровая снаружи и блѣднозеленая изнутри).

„Ящикъ, заключавшій въ себѣ картины правой, былъ изъ дерева „джинъ“, подставка изъ свѣтлаго „джина“, покрывало изъ корейскаго шелка съ зеленой основой. Ножки подставки, обмотанныя шелковымъ шнуромъ, были сдѣланы въ современномъ художественномъ вкусѣ. Казами молодыхъ дѣвушекъ были изъ ивовой ткани (бѣлыя снаружи и зеленыя изнутри), а туники были изъ *Kerria japonica* (желтыя снаружи и свѣтлоокрасныя изнутри). И Генджи, и Гонъ-Чиунагонъ присутствовали здѣсь, по особому приглашенію императора, а также и принцъ намѣстникъ Чикуши, любившій картины больше всего на свѣтѣ и потому избранный судьей въ предстоящемъ состязаніи. Многія картины были столь превосходны, что было чрезвычайно трудно отдать предпочтеніе какой-нибудь. Напримѣръ, если одна партія показывала „Времена года“, образцовыя произведенія стараго мастера на отборные сюжеты, то другая представляла эскизы на бумагѣ, которые едва ли стояли ниже по достоинству и имѣли больше цвѣточныхъ орнаментовъ, чѣмъ старинныя творенія; словомъ, споръ завязался горячій.

„Тѣмъ временемъ императрица-мать (принцесса Вистарія) также вошла въ залу, отодвинувъ скользящую ширму, отдѣлявшую покой для завтрака. Споры еще продолжались, причѣмъ Генджи вставлялъ время отъ времени дѣльныя замѣчанія. Еще не окончилось состязаніе, а сумерки уже начинали сгущаться вокругъ нихъ. На правой оставался еще свитокъ, когда лѣвая показывала картину „Сума“. Она нѣсколько



смutila Гонъ-Чиунагона. Последняя картина правой, конечно, также была избранной, но въ сравненіи съ „Сума“ лишена была нѣкоторыхъ достоинствъ. Эскизы этой картины были сдѣланы Генджи съ затратой значительнаго времени и труда. Это были иллюстраціи различныхъ бухтъ и береговъ. Выполнены онѣ были чрезвычайно искусно и какъ бы переносили зрителей въ дѣйствительную обстановку мѣстности. При нихъ имѣлись пояснительныя замѣтки, мѣстами въ формѣ дневника, мѣстами съ поэтическими вставками какъ легкаго, такъ и серьезнаго стиля. Это произвело большое впечатлѣніе на императора и всѣхъ присутствующихъ; благодаря этой картинѣ побѣда была наконецъ признана за лѣвой“.

Въ знаменитомъ Макура-но-соши мы читаемъ слѣдующее:

„На скользящихъ дверяхъ сѣвернаго фронта личныхъ покоевъ микадо нарисованы страшныя изображенія тварей, живущихъ въ пучинахъ океана, однѣ съ длинными руками, другія съ длинными ногами. Когда двери передней открыты, мы можемъ видѣть ихъ.“

Изъ этого видно, что живопись примѣнялась къ украшенію комнатъ. Художественные идеалы тогдашняго образованнаго класса хорошо поясняются нижеслѣдующимъ отрывкомъ изъ „Генджи Моногатари“, изъ той главы, гдѣ обсуждаются различныя женскія характеры.

„Онъ снова вступилъ въ разговоръ и сказалъ: соображайте всѣ дѣла вообще и тогда судите о нихъ. Не вѣчная ли истина, что правдивость и искренность должны быть предпочитаемы чисто искусственному превосходству? Ремесленники, напримѣръ, выдѣлываютъ различные предметы, смотря по роду своего таланта. Нѣкоторые изъ нихъ ловки и умудрены опытомъ, искусно мастерятъ предметы преходящей моды, не имѣющіе опредѣленнаго или традиціоннаго стиля и рассчитанные лишь на то, чтобы мгновенно поразить воображеніе. Но это не настоящіе художники. Истинными художниками слѣдуетъ признать тѣхъ, кто производитъ безъ дефектовъ и стремленія произвести сенсацию предметы для украшенія, скажемъ, зданія, въ согласіи съ правильнымъ вкусомъ и вполне эстетическими принципами. Взгляните, съ другой стороны, какого превосходства достигли нѣкоторые художники Императорской Академіи Живописи. Возьмите рисунки тушью. Картины, какъ, напр., Гора Хораи, которой никогда не созерцало око смертнаго, или изображенія страшной, чудовищной рыбы въ волнующемся морѣ, или дикаго звѣря отдаленной страны, или воображаемое лицо Демона, часто бываютъ написаны столь живо, что люди вздрагиваютъ при взглядѣ на нихъ. Эти картины, однако, ни реальны, ни правдоподобны. Съ другой стороны, заурядные ландшафты знакомыхъ горъ, или спокойныхъ водныхъ потоковъ, или жилищъ, находящихся передъ нашими глазами, могутъ быть набросаны съ такой очаровательной неправильностью и съ такимъ искусствомъ, что покажется, словно они соперничаютъ съ природой. На такихъ картинахъ перспектива покатыхъ горныхъ склоновъ и уединенныхъ уголковъ, окруженныхъ тѣнистыми деревьями, показана столь вѣрно, что зрителю кажется, будто онъ видитъ пространство позади предметовъ. Это картины, больше всего запечатлѣнныя искусствомъ и одухотворенностью мастера; рука менѣе высокаго художника запечатлѣла бы ихъ скукой и безсиліемъ.“

„Тѣ же замѣчанія приложимы и къ искусству письма. Нѣкоторые люди смѣло бросаютъ на бумагу развязныя линіи, снабженныя безконечными завитушками, съ перваго взгляда кажущіяся изящными и



искусными. Но написанное съ тщательной точностью, съ соблюденіемъ истинныхъ правилъ чистописанія, представляетъ собой совсѣмъ другое письмо. Если нѣкоторыя черточки на первый взглядъ и кажутся не вполне законченными, то все же при сравненіи съ почеркомъ перваго рода всѣ достоинства втораго сразу выступаютъ.

„Такъ обстоитъ дѣло съ живописью, каллиграфіей, вообще искусствомъ. Сколь же мало заслуживаютъ уваженія нашего тѣ женщины, которыя, блистая внѣшнимъ богатствомъ и модою и стараясь пустить пыль въ глаза, лишены прочныхъ основъ правдивости, искренности и вѣрности! Не считайте, друзья, что я захожу слишкомъ далеко, и позвольте мнѣ иллюстрировать эти замѣчанія примѣрами изъ собственнаго опыта.“

Не слѣдуетъ, однако, думать, что искусство исчезло изъ религіознаго обихода; напротивъ, много картинъ, созданныхъ въ эту эпоху, хранятся еще во многихъ храмахъ и отличаются высокими достоинствами. Съ конца двѣнадцатаго вѣка Кіото потерялъ свое значеніе по той причинѣ, что фактическая власть управленія ушла изъ рукъ императора, перейдя къ правительству шогуна. Съ этого момента почти до середины четырнадцатаго столѣтія Камакура была резиденціей правительства шогуна. Этотъ промежутокъ былъ названъ періодомъ Камакуры; многія обстоятельства этой эпохи препятствовали развитію искусства — можно даже сказать, что оно обнаруживало нѣкоторый упадокъ, — и все же она отмѣчена множествомъ произведеній живописи и скульптуры. Дайбутсу Камакурскій, упоминаемый выше, является произведеніемъ начала тринадцатаго вѣка. Это шедевръ своего рода, являющійся лучшимъ показателемъ тогдашняго состоянія японскаго искусства.

Здѣсь я позволю себѣ вставить нѣсколько словъ. Развитіе культуры не ограничивалось однимъ только Кіото. Въ началѣ періода Камакуры существовалъ центръ образованности и въ сѣверной части Японіи, именно въ провинціи Осіу. Здѣсь крупный феодальный князь имѣлъ свою резиденцію, каковую со всѣми окрестностями устроилъ и обставилъ на подобіе Кіото; по остаткамъ и старинной картѣ этого мѣста мы можемъ судить, въ какомъ цвѣтущемъ состояніи находилась столица этого феодальнаго вожда, передъ тѣмъ какъ его сокрушили войска Ёритомо, перваго шогуна.

Затѣмъ наступилъ періодъ Ашикага, длившійся два съ половиною столѣтія. Въ этомъ періодѣ мѣстопробываніемъ шогуна былъ Кіото, рядомъ съ резиденціей императорскаго двора, хотя и въ Камакурѣ было нѣчто вродѣ филиальнаго правительства. Въ началѣ этого періода страна еще не созрѣла для общаго развитія искусства; но начиная съ пятнадцатаго вѣка большинство шогуновъ эпохи оказывало покровительство искусству, особенно живописи; нѣкоторые изъ нихъ и сами были художниками не послѣдняго ранга. Въ эту-то эпоху Японія произвела многихъ знаменитыхъ мастеровъ, какъ Чо-денсу, Сіубунъ, Сессіу, Сіуджетсу, Сотанъ, Масанобу, Мотонобу, Сессонъ и многіе другіе, имена которыхъ увѣковѣчены въ нашихъ лѣтисписяхъ и произведенія которыхъ мы можемъ съ гордостью показать иностранцамъ. Правда, ихъ стиль не отличался однородностью, но все же они были родственны другъ другу по духу и въ сильной мѣрѣ отличались отъ своихъ предшественниковъ въ искусствѣ. Искусство ихъ зиждилось на лучшихъ идеалахъ китайскихъ династій Тханъ и Сунгъ. Среди современ-



ныхъ имъ китайцевъ они не имѣли соперниковъ. Разсказываютъ, что Сессіу, пріѣхавъ въ Китай изучать искусство, жаловался, что ему не у кого учиться. Искусство періода Нара и начала періода Хейанъ отличалось необычайной чистотой религіознаго чувства, вложеннаго въ него: это было самое воплощеніе періода; вторично его нельзя было воскресить, какъ невозможно было оживить въ Европѣ искусство Микель Анджело, и потому даже Сіубунъ и Сессіу не могли соперничать со своими предшественниками этой эпохи; но въ своемъ особенномъ родѣ они стояли очень высоко, и ихъ картины больше всего цѣнятся японцами нашего времени, поскольку они постигаютъ высшія задачи искусства независимо отъ связи его съ религіей. Между періодомъ Ашикага и періодомъ Токугавы стоитъ короткій періодъ Ода-Тойотоми. Незадолго до наступленія этого періода страна переживала смуту благодаря внутреннимъ несогласіямъ различныхъ военачальниковъ, которые, наконецъ, были усмирены усиліями Оды и Тойотоми. Этотъ послѣдній, Тойотоми Хидейоши, извѣстный иностранцамъ подъ именемъ Тайкосама и слывущій Японскимъ Наполеономъ, игралъ огромную роль въ возрожденіи искусства. Благодаря его покровительству Японія могла произвести Іейтоку и Сонраку, которыхъ даже лучшіе художники періода Ашикага не могли превзойти смѣтливостью рисунка. Построенный замкъ Фушими, запечатлѣнный гениемъ этихъ мастеровъ и въ архитектурѣ своей отразившій высокое искусство эпохи, былъ разрушенъ вскорѣ послѣ смерти этого героя, но остатки его вмѣстѣ съ нѣкоторыми старинными произведеніями искусства еще находятъ въ различныхъ мѣстахъ; видѣвшіе ихъ могли убѣдиться, въ какой мѣрѣ живопись, не превращаясь въ условную форму чисто-декоративнаго искусства, можетъ служить цѣлямъ украшенія.

Послѣ періода Ода-Тойотоми наступилъ періодъ Токугавы, тянувшийся 270 лѣтъ вплоть до нашего времени. Большая часть этого періода характеризуется полнѣйшимъ спокойствіемъ; и хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ развитіе страны задерживалось ростомъ феодализма, но все же она больше благоденствовала, чѣмъ въ другіе періоды, а различныя отрасли искусства сдѣлали большіе успѣхи. Какъ видно изъ послѣдней приведенной выше выдержки изъ труда д-ра Андерсона, величію періода Нара не суждено было воскреснуть, не было въ этомъ періодѣ и такихъ искусныхъ мастеровъ, какъ Сіубунъ или Сессіу періода Ашикага; но въ общемъ, можно сказать, всѣ виды искусства получили значительное развитіе если не вглубь, то вширь. Лакировочныя работы и фарфоровыя издѣлія несомнѣнно составляютъ монопольное достояніе этого періода. Правда, лакированное искусство существовало въ самыя отдаленныя времена, а работы періода Хигашияма (часть періода Ашикага, отмѣченная расцвѣтомъ талантовъ Сессіу, Сотанъ и другихъ) были превосходны, особенно съ эстетической и античной точки зрѣнія. Но полный расцвѣтъ этого искусства относится къ разсматриваемому періоду. Что касается фарфоровыхъ издѣлій,—въ строгомъ смыслѣ, можетъ быть, и не входящихъ въ область искусства,—то ихъ производство развилось сравнительно въ недавнее время. Развитіе экраннаго производства также досталось въ удѣлъ нашему времени. То же можно сказать и о развитіи народной живописи Школы Укійоѣ и художественной школы.

Здѣсь необходимо сдѣлать нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній. Картины стараго стиля, особенно Кано и Тоса, получили широкое рас-



пространеніе и вліяніе среди образованныхъ классовъ. Въ этомъ періодѣ было много знаменитыхъ художниковъ, величайшимъ изъ которыхъ является Танну; но, въ общемъ, стиль ихъ отличался жесткостью и условностью. Имъ не удавалось возбуждать народныя чувства новизной и смѣлостью письма, а кромѣ того, они были мало доступны обыкновенному городскому населенію. Такъ изъ возмущенія противъ избитаго стараго стиля и стремленія пойти навстрѣчу вульгарнымъ запросамъ простонародья выросъ новый стиль этихъ школъ Укійоие и художественныхъ. Кромѣ того художники этой школы нерѣдко сами были лишены образованія, происходя изъ низшихъ классовъ, тогда какъ художники старинныхъ школъ обыкновенно принадлежали къ образованному классу, часто были самураями и пользовались покровительствомъ какого-нибудь феодальнаго князя. А потому эти новыя школы далеко не соотвѣтствуютъ идеалу японскихъ образованныхъ классовъ. Однако и среди нихъ попадаются гениальные художники, первое мѣсто среди которыхъ принадлежитъ Хокусаи; въ своемъ родѣ ихъ искусство имѣетъ много прекрасныхъ сторонъ; особенно искусны они въ умѣніи пользоваться красками и черпать новыя идеи въ повседневной жизни. Признаніемъ своихъ достоинствъ они больше обязаны европейской критикѣ, чѣмъ нашей. Но только образованнаго японца никогда нельзя заставить цѣнить эти школы въ той степени, въ какой это дѣлаютъ западныя критики. Коринъ и его школа составляютъ совсѣмъ особенную категорію въ нашемъ искусствѣ. Картины этой школы на первый взглядъ кажутся смѣшными, и достоинства ихъ могутъ быть оцѣнены лишь тѣми, кто обладаетъ наблюдательнымъ умомъ, способнымъ открывать скрытыя черты. Я считаю большою заслугой европейскихъ знатоковъ, что они умѣютъ столь же высоко цѣнить достоинства этой школы, какъ и достоинство школъ заурядныхъ.

Я считаю невозможнымъ останавливаться на различныхъ стадіяхъ развитія живописи этого періода, но все же позволю себѣ нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній. Школа Шиджіо, первымъ основателемъ которой былъ великій Окіо, оказывавшая и понынѣ оказывающая глубокое вліяніе на наше искусство, есть продуктъ этого періода. Ея единственный недостатокъ въ излишнемъ реализмѣ и недостаткѣ глубины. Въ этомъ же періодѣ зародился и развился стиль Чикуденъ, носящій скорѣй схоластическій отпечатокъ и пользовавшійся большимъ вліяніемъ во второй половинѣ періода; въ этомъ же періодѣ опредѣлялось вліяніе Бунчіо и его школы, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ приближавшейся къ Чикуденъ, но болѣе могущественной и разнообразной, далеко обогнавшей школы Кано и Тоса. Я долженъ упомянуть еще о Кокванъ и Дензенъ, которые одновременно и независимо другъ отъ друга ввели европейскій стиль живописи и гравированіе на мѣди въ концѣ восемнадцатаго вѣка. Не могу я обойти молчаніемъ и знаменитаго Ватанабе Квасанъ, который отдалъ свою жизнь, стремясь насадить въ Японіи западную культуру, и самъ былъ недюжиннымъ художникомъ-любителемъ.

Мы подошли къ эрѣ Меиджи, длящейся уже тридцать семь лѣтъ. Начало этой эры ознаменовалось разрушеніемъ всего стараго. Было время, когда разрушались прекрасныя античныя храмы, повергались въ прахъ драгоценныя картины, насчитывавшія тысячу лѣтъ и болѣе, и сжигались прекрасныя лакировочныя вещи, съ цѣлью добыть изъ пепла золото. Все должно было обновиться и переродиться на европейскій ладъ. Печально, когда оглядываешься на то время теперь, но тогда



это было неизбежнымъ слѣдствіемъ эпохи. Я знаю нѣкоторыхъ художниковъ того времени, которые, оставшись безъ занятій, брали уроки европейскаго рисованія и поступали въ инженерные отдѣлы общественныхъ учреждений. Но такое положеніе не могло долго существовать, хотя наше рвеніе къ интеллектуальному усвоенію европейской цивилизации не ослабѣвало. Мы снова обратились къ искусству старой Японіи; этимъ мы опять-таки въ значительной мѣрѣ обязаны нашимъ запаснымъ совѣтчикамъ и покровителямъ, которымъ считаемъ долгомъ выразить нашу признательность. Въ настоящее время намъ въ значительной мѣрѣ удалось воскресить наше старое искусство не только въ области живописи и ваянія, но и въ области полупромышленныхъ, полухудожественныхъ издѣлій. Большое поощреніе намъ оказали въ этомъ смыслѣ иностранные заказчики, но и сами японцы приложили не мало стараній; значительную роль сыграло и покровительство императорской четы. Конечно, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности искусство получило иное примѣненіе, напримѣръ, металло-скульпторы, которымъ теперь не приходится дѣлать шлемовъ или украшеній къ мечамъ, дѣлають вазы и т. п. предметы, болѣе соответствующіе нашему времени.

Всѣ роды нашего искусства переживаютъ теперь переходное состояніе. До сихъ поръ еще невозможно было говорить о величіи эры Меиджи, но, въ общемъ, я того мнѣнія, что мы прогрессируемъ во всѣхъ направленіяхъ; я вполне убѣжденъ, что при болѣе широкомъ поощреніи, особенно изъ заграницы, мы могли бы создать замѣчательную эпоху. Иные иностранцы говорятъ о нѣкоторомъ ухудшеніи нашего искусства; я думаю, что это такъ, но что это обусловлено переходнымъ состояніемъ, переживаемымъ нами; а, кромѣ того, нѣкоторая доля отвѣтственности лежитъ и на самихъ иностранцахъ. Позвольте мнѣ пояснить это: лакировщики могутъ исполнять свои работы такъ же хорошо, какъ и 200 лѣтъ тому назадъ, лишь бы имъ дали достаточно времени и вознагражденія, и достаточно средствъ на необходимыя издержки производства, а этого-то нынѣшніе заказчики и не желаютъ дѣлать. Поэтому мастеръ и не дѣлаетъ истинно-художественныхъ предметовъ, развѣ что по особому заказу; въ прежнія времена такіе мастера имѣли постоянныхъ покровителей въ лицѣ феодальныхъ князей.

Я прибавлю нѣсколько словъ о нашихъ картинахъ. Европейская живопись масляными красками и акварель также изучаются въ Японіи. Этимъ занято много художниковъ, но мы еще не имѣемъ крупныхъ мастеровъ въ этомъ стилѣ. Естественно, что мнѣ приходится больше говорить о нашихъ туземныхъ картинахъ. Стиль нашихъ картинъ отличается отъ масляныхъ, какъ каждому извѣстно, и ближе всего онъ подходитъ къ акварели. Главное въ нашихъ картинахъ это сила мазка и общее впечатлѣніе. Я не хочу сказать, что въ масляныхъ картинахъ нѣтъ этого важнаго достоинства, но все же существуетъ разница въ манерѣ между нашей и масляной живописью; въ нашихъ картинахъ малѣйшій недостатокъ или ошибка гораздо замѣтнѣй, чѣмъ въ масляныхъ, и поправить однажды сдѣланную ошибку на нашей картинѣ уже невозможно, какъ бы ничтожна она ни была. Но такъ какъ, съ другой стороны, японскіе художники больше стремятся къ общему впечатлѣнію, чѣмъ къ мелочной точности, то наши картины не имѣютъ той тщательной отдѣлки, какой отличаются масляныя, если не считать ста-



ринныхъ религіозныхъ картинъ. Онѣ поэтому страдаютъ большими погрѣшностями по части анатоміи и перспективы. Скульптура и живопись періодовъ Нара и Хейанъ отличались замѣчательною вѣрностью анатоміи, и можно только пожалѣть, что позднѣйшее искусство пошло назадъ въ этомъ отношеніи. Далѣе, — наши картины довольно плохи въ отношеніи геометрической пропорціи или, вѣрнѣе, перспективы. Этому горю, разумѣется, можно помочь. Было бы глупо сохранять эти недостатки только потому, что они присущи старому стилю живописи. Во всякомъ случаѣ художественному міру Японіи надо пойти навстрѣчу обстоятельствамъ и запросамъ времени, и если это будетъ сдѣлано, то искусство наше, я убѣжденъ, шагнетъ далеко.

Въ послѣднія двадцать пять лѣтъ въ Токио и провинціальныхъ городахъ часто устраиваются всевозможныя художественныя выставки — главнымъ образомъ картинныя, — и число ихъ растетъ изъ года въ годъ. Существуютъ также различныя общества, поставившія себѣ цѣлью поощреніе искусства въ той или иной формѣ. На выставкахъ достоинства выставленныхъ произведеній обсуждаются экспертами, присуждающими награды. Такія выставки открываются въ наиболѣе благоприятное время года, весною или осенью. Онѣ носятъ такой же характеръ, какъ и выставки Лондона и Парижа, и конечно существенно отличаются отъ причудливыхъ придворныхъ „состязаній“ періода Хейанъ. Всѣ экспонаты обыкновенно предназначаются для продажи; всѣ они представляютъ собою оригиналы, цѣны на нихъ установлены опредѣленныя и въ общемъ недорогія. Цѣны же на картины — прямо ничтожныя по сравненію съ тѣми, какія стоятъ въ западныхъ художественныхъ салонахъ. Конечно, наши картины обыкновенно не отнимаютъ столько труда и времени, какъ масляныя, и потому такъ дешевы. За картины заурядныхъ художниковъ платятъ отъ 1 до 3 фунтовъ, есть даже и болѣе дешевыя и все же очень недурныя. Картины первоклассныхъ художниковъ цѣнятся дороже, но и то рѣдко превышаютъ 15 фунтовъ.

Нельзя обойти молчаніемъ заслуги Коллегіи Изыячныхъ Искусствъ, гдѣ множество студентовъ изучаетъ скульптуру, живопись и другія искусства подъ надзоромъ министерства. Главное учрежденіе находится въ столицѣ, но существуютъ еще отдѣленія въ большихъ провинціальныхъ городахъ, содержимыя на счетъ мѣстныхъ управленій и подъ ихъ руководствомъ. Есть немало и частныхъ учреждений того же рода.

Не могу не упомянуть здѣсь о нашемъ способѣ разбивать сады, что у насъ составляетъ настоящее искусство, родственное съ нашей ландшафтнѣй живописью. Даже самый крохотный садъ разбивается такъ, чтобы получился живописный видъ, какъ на картинѣ. Устраиваются искусственныя озера и каскады. Я могу сказать, что все это дѣлается на художественныхъ основаніяхъ, при взглядѣ же на европейскіе сады мнѣ кажется, что первоначальные планы ихъ заимствованы изъ стариннаго быта, дальнѣйшее же развитие носить характеръ скорѣе промышленнаго искусства; — напимѣръ, въ нихъ имѣются фонтаны, но въ видѣ механическихъ аппаратовъ, а не естественныхъ ключей; — имѣются обтесанные камни, желѣзныя рѣшетки, желѣзные мостки, а если есть вода, то чаще всего въ круглыхъ или четырехугольныхъ водоемахъ. Сажая цвѣты, западные садоводы обязательно придаютъ клумбамъ видъ квадрата или треугольника, геометрически пра-



вильнаго, словно рисуютъ коверъ. Повидимому, они не имѣютъ представленія о томъ, что гармонія можетъ проявляться и въ неправильностяхъ. Въ городахъ Японіи существуетъ много лавокъ, въ которыхъ продаются натуральные камни, но ничего подобнаго не существуетъ въ Европѣ. Конечно, наши сады имѣютъ и недостатокъ: они больше служатъ предметомъ украшенія, чѣмъ пользы; этотъ недостатокъ можетъ быть устраненъ и дѣйствительно устраняется во многихъ случаяхъ; но, съ другой стороны, въ европейскихъ садахъ ужь слишкомъ отсутствуетъ художественный элементъ. Для меня прямо непонятно, какъ это европейцы, съ такой охотой развѣшивающіе у себя по стѣнамъ картины съ видами и столь любящіе странствовать въ гористыхъ мѣстностяхъ, гонящіеся за красивыми ландшафтами всевозможнаго рода, — не догадались устроить ихъ въ своихъ садахъ. Въ этомъ отношеніи я смѣло могу поставить Японію выше всѣхъ другихъ націй, и иностранцамъ очень бы не мѣшало усвоить наши приемы садоводства.

## II. Литература.

Японская литература въ нѣкоторомъ смыслѣ стоитъ ниже искусства. Объ искусствѣ мы еще можемъ толковать съ иностранцами съ нѣкоторой долей искренности, но въ литературѣ мы не чувствуемъ подъ собой прочной почвы. Однако, у насъ имѣется рядъ литературныхъ памятниковъ, дающихъ полное представленіе о нашемъ національномъ духѣ.

Статья покойнаго Эдвина Арнольда, появившаяся черезъ нѣсколько дней послѣ его смерти въ англійской газетѣ Daily Telegraph, начинается такими словами:

„Наступитъ время, когда Японія, достигшая безопасности извнѣ, покроется славой и радостная ожиданіемъ мирной эпохи, какъ награды за нынѣшнюю борьбу за жизнь и смерть, снова прикуетъ къ себѣ вниманіе западныхъ народовъ своими художественными и духовными дарами. Культурные люди нашего полушарія знаютъ уже, какъ высокъ и утонченъ ея художественный геній; съ теченіемъ времени мы узнаемъ, какіе драгоценные перлы скрываетъ въ себѣ ея литература. Англія въ особенности можетъ заинтересоваться духовной стороной японской жизни, преимущественно передъ всякой другой европейской страной.“

Я, какъ японецъ, не могу поручиться за безусловную правильность словъ Эдвина Арнольда, но, во всякомъ случаѣ, въ нихъ заключается значительная доля правды. Мы уже видѣли, что въ періодъ Нара наше искусство находилось на высокой степени развитія; но въ литературѣ этотъ періодъ не оставилъ ничего, достойнаго вниманія, если не считать поэзіи. У насъ есть Манійо-шіу (Милліонъ Листьевъ), — книга, въ которой собраны поэмы, начиная эпохой до періода Нара и кончая началомъ періода Хейанъ. Собираніе произведеній началось въ концѣ періода Нара, закончено же было однимъ великимъ поэтомъ періода Хейанъ, чѣмъ и объясняется присутствіе нѣкоторыхъ произведеній этого послѣдняго періода.

Изъ этой книги мы видимъ, что поэтическое искусство на всемъ протяженіи японской исторіи ни разу не достигало той высоты, на которой оно стояло въ этомъ періодѣ.

О поэзіи этого періода м-ръ Астонъ пишетъ слѣдующее:



„Между тѣмъ какъ восьмой вѣкъ не оставилъ намъ ничего или почти ничего по части прозы,—для поэзіи онъ былъ поистинѣ золотымъ вѣкомъ. Японія къ этому времени переросла свои прежніе безкусные опыты и создала въ этотъ періодъ превосходныя стихотворныя произведенія, подобныхъ которымъ никогда уже не появлялось. Читатель, который ожидаетъ найти въ этой поэзіи народа, едва выходящаго изъ состоянія варварства, грубую, невоздѣланную силу, къ удивленію своему убѣдится, что она отличается скорѣй утонченной отдѣлкой, чѣмъ силой. Она исполнена нѣжнаго чувства, изящна по языку, отличается искуснымъ расположеніемъ фразъ и особенной системой снисхожденія.“

Я думаю, этого достаточно.

Далѣе слѣдуетъ періодъ Хейанъ. Въ этотъ періодъ, какъ мы видимъ, литература стала на довольно высокой ступени развитія. Писались всевозможныя книги — историческія, по вопросамъ права и церемоній, путешествія, дневники, мемуары, романы, рассказы и анекдоты. Китайскій языкъ былъ тогда въ большой модѣ, и многія книги были написаны по китайски. Наша національная литература также распѣла, сдѣлала огромный шагъ впередъ, и въ это то время были написаны наши классическія произведенія. Написаны они были чистыми фонетическими знаками, почти всецѣло обозначавшими слова родного языка, слова же китайскаго происхожденія встрѣчались крайне рѣдко, развѣ лишь для обозначенія учрежденій или предметовъ китайскаго происхожденія. Правда, въ то время еще не было изобрѣтено способа отдѣлять слова другъ отъ друга, чтобы читатели могли видѣть каждое слово отдѣльно; но такъ, вѣдь, было у древнихъ грековъ и у другихъ народовъ. Не знали они также знаковъ препинанія, какъ: точка, запятая, восклицательный знакъ, которые облегчали бы чтеніе и способствовали уясненію логическаго смысла фразы. Если бы національной литературѣ того времени была оказана поддержка и въ систему правописанія введены были указанные выше приемы, то Японія могла бы теперь гордиться собственной литературой и обладала бы лучшей системой письма, чѣмъ нынѣшняя громоздкая система. Этому помѣшали особыя обстоятельства, которыхъ я теперь касаться не буду.

Легкая литература (романы, повѣсти и т. п.) періода Хейанъ написана въ національномъ классическомъ стилѣ. Большей частью это произведенія женщинъ. Такъ какъ изученіе китайщины считалось болѣе полезнымъ дѣломъ, а нѣкоторыми — и болѣе мужественнымъ и достойнымъ занятіемъ, то большинство мужчинъ и работали въ этомъ направленіи, оставивъ задачу сохраненія національнаго стиля женщинамъ.

„Генджи Моногатари“ и „Макура-но-Соши“ обыкновенно считаются лучшими произведеніями этого рода, хотя отличаются другъ отъ друга и стилемъ, и содержаніемъ. Ниже я позволяю себѣ привести нѣсколько выдержекъ изъ „Генджи Моногатари“: онъ длинноватъ, но дадутъ вамъ ясное представленіе объ описательномъ стилѣ и разсужденіяхъ этой эпохи.

(А). Вотъ слова, вложенныя въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ:

„Попытки выдвинуться при наличности умѣренныхъ способностей характеризуютъ неразумнаго человѣка, каковаго бы онъ пола ни былъ. Это производитъ крайне непріятное впечатлѣніе. Дамамъ, пожалуй, и нѣтъ необходимости въ совершенствѣ владѣть „тремя великими исторіями“ и „пятью классическими текстами“, однако, и имъ не



должны быть чужды нѣкоторыя свѣдѣнія о частныхъ и общественныхъ дѣлахъ. Такія свѣдѣнія, впрочемъ, могутъ быть приобретаемы безъ особаго труда, между тѣмъ они даютъ имъ возможность пріятно бесѣдовать съ друзьями. Но сколь достойны презрѣнія были бы онѣ, если бы это образованіе дѣлало ихъ тщеславными! Стиль „мана“ и блестящія фразы не для нихъ предназначаются. Если онѣ прибѣгнутъ къ нимъ, то о нихъ будутъ говорить: „пусть она вспомнить, что она всего только женщина!“ и бросятъ ей упрекъ въ педантизмъ, каковому подвержены многія женщины, особенно изъ высшихъ классовъ. Далѣе, онѣ не должны быть совершенно чужды стихотворства, хоть и не слѣдуетъ имъ рабски отдаваться ему; особенно же надлежитъ имъ не злоупотреблять чужими цитатами; онѣ при этомъ рискуютъ проявить апломбъ тамъ, гдѣ требуется скромность, и удариться въ отвлеченности, когда требуется вспомнить о практическихъ обязанностяхъ. Какъ было бы некстати, къ примѣру, если бы во время майскаго праздника, когда вниманіе всѣхъ присутствующихъ сосредоточено на торжественности момента, дамы вздумали предаваться поэтическимъ мечтамъ объ ирисѣ, или въ праздникъ девяти дней, когда всѣ присутствующіе дворяне упражняютъ свою изобрѣтательность на китайской поэзіи, онѣ вздумали излагать высокій полетъ своихъ мыслей на счетъ окропленныхъ росой цвѣтковъ хризантемы и, такимъ образомъ, соперничать со своими противниками сильнаго пола. Всеу свое время; и всѣ люди, въ особенности женщины, должны постоянно заботиться о своевременности своихъ дѣйствій и не соваться со своими талантами, когда ихъ не спрашиваютъ. Онѣ должны стараться держать свои знанія и краснорѣчіе при себѣ и даже, если потребуютъ обстоятельства, притворяться невѣждами по вопросу, съ которымъ отлично знакомы“.

(Б). „Казалось, люди выглядывали изъ оконъ на западной сторонѣ, вѣроятно, желая хоть мелькомъ взглянуть на принца, фигура котораго неясно виднѣлась изъ-за верхушки низкой ширмы, стоявшей за рѣшеткой. Среди зрителей была одна, которая при видѣ принца почувствовала, какъ трепетъ пробѣжалъ по всему ея тѣлу. Это произошло какъ разъ въ то мгновеніе, когда небо стало окрашиваться первыми лучами утренней зари, а блѣдный ликъ луны еще сіялъ въ отдаленіи. Безстрастный небосклонъ кажется тому, кто на него взираетъ, лучезарнымъ или мрачнымъ въ зависимости отъ бушевающихъ душу чувствъ. А у Генджи, мысли котораго тайно вертѣлись около событій минувшаго вечера, эта картина могла только вызвать грустныя ощущенія“.

(В). „Однимъ раннимъ утромъ, со слипающимися глазами, усталый и апатичный, Генджи готовился оставить свой домъ въ Рокуджіо. Легкій туманъ разстилался надъ землею. Служанка хозяйки открыла ему дверь и повела его къ выходу. Видъ цвѣтущихъ деревьевъ съ перепутанными въ живописномъ беспорядкѣ вѣтвями и гроздьями цвѣтовъ освѣжительно подѣйствовалъ на его глаза. Генджи хотѣлось остановиться и мечтательно глядѣть на нихъ. Дѣвушка все еще провожала его. На ней была легкая шелковая туника свѣтлозеленаго цвѣта, облегающая ея изящную талію и формы. Наружности она была привлекательной. Генджи нѣжно поглядѣлъ на нее, повелъ къ скамейкѣ въ саду и сѣлъ рядомъ съ ней. Лицо ея хранило скромное и спокойное выраженіе; волнистые волосы были аккуратно и чисто при-



глажены ... Въ это мгновеніе въ садъ вошелъ пажъ въ сасинуки (особаго рода широкіе панталоны); стряхивая росистую пыль съ цвѣтовъ, онъ срывалъ ихъ. Сцена была полна спокойной красоты, такъ что хотѣлось срисовать ее; Генджи всталъ и медленно направился домой. Въ это время онъ съ каждымъ днемъ возбуждалъ къ себѣ все больше удивленія, и мы можемъ даже приписать эксцентричность нѣкоторыхъ его шалостей и приключеній популярности, которою онъ пользовался. Тамъ, гдѣ прекрасные цвѣты простираютъ свои вѣтвики, любить отдыхать даже грубый горецъ: неудивительно, что гдѣ онъ ни показывался, люди искали его вниманія“.

(Г). „Въ слѣдующемъ году, апрѣльскимъ вечеромъ, Генджи случилось проходить на виллу „оппадающихъ цвѣтовъ“ мимо дома принцессы. Въ саду росла огромная сосна, съ вѣтокъ которой въ безпорядочномъ изобиліи свѣшивались прекрасные гроздья вистаріи. Вздохъ вечерняго зефира колебалъ ихъ въ серебряномъ лунномъ сіяніи и осыпалъ мимоидущихъ ихъ сладкою пылью. Тутъ же стояла и плакучая ива, молодыя, зеленые гирлянды которой, свѣсившись, касались полуразрушеннаго земляного вала“

Фабула „Генджи Моногатари“, къ сожалѣнію, страдаетъ полнымъ отсутствіемъ морали, но зато проникнута тонкимъ чувствомъ, какъ и вообще произведенія этого періода. „Притомъ ни грубостей, ни неприличій“, говоритъ Астонъ, „въ Генджи нѣтъ, какъ во всей литературѣ этого періода. Языкъ почти всюду пристойный и даже утонченный, и мы едва ли натолкнемся на фразу, которая заставила бы покраснѣть молодую особу“. Кромѣ того, въ этотъ періодъ, повидимому, господствовалъ обычай раздѣльнаго жительства мужа и жены, такъ что повѣствованія о взаимныхъ отношеніяхъ мужчины и женщины не были непременно безнравственными. Госпожа Аой, дочь перваго въ государствѣ сановника и во всѣхъ отношеніяхъ законная супруга Генджи, принца королевской крови, представлена въ „Генджи Моногатари“ живущею у отца, въ отдѣльныхъ покояхъ. Если мы это примемъ во вниманіе, то упрекъ въ безнравственности, дѣлаемый этому роману, придется смягчить.

Къ концу двѣнадцатаго столѣтія, какъ я уже говорилъ, правящая власть отъ императорскаго двора перешла къ военному правительству сіюгуна. Это былъ періодъ Камакура, за которымъ слѣдовали періоды Ашикага и Ода-Тойотоміи. Въ эти періоды и въ періодъ Токугава страна носила обличье державы воиновъ, дворъ же и придворные сановники играли самую жалкую роль. Войны не прекращались, хотя временами перемежались долгими періодами спокойствія. Легко представить, что литература должна была прійти въ упадокъ. Книги писались, большей частью, въ формѣ исторіи. Это были исторіи, потому что въ нихъ излагались историческіе факты, но это были въ нѣкоторомъ родѣ и романы по характеру и объему изложенія, такъ что ихъ можно назвать „историческими романами“. Многіе изъ нихъ прекрасно написаны, болѣе живо, чѣмъ произведенія періода Хейанъ, а одинъ, „Хейке“, даже положенъ на музыку подъ ладъ „бива“ (четырёхструнная лютия) и распѣвается бродячими слѣпыми пѣвцами, какъ бы подражающими Гомеру. Эти историческіе романы еще и теперь оказываютъ вліяніе на умы нашего юношества не въ меньшей степени, чѣмъ героическія произведенія позднѣйшихъ эпохъ, о которыхъ рѣчь впереди. Знаменитое „Джинко-Сейтоки“, также историческое произве-



деніе, сильно отличающееся, однако, стилемъ отъ вышеназванныхъ, написано около середины этой эпохи, когда Японія имѣла несчастье находиться подъ игомъ двухъ императорскихъ дворовъ. Это — серьезное политическое и философское восхваленіе партіи, къ которой принадлежалъ авторъ. Независимо отъ миѳическихъ вставокъ эта книга оказывала, и теперь еще оказываетъ, довольно сильное вліяніе на умы японцевъ, непонятное, правда, для постороннихъ. „Теуредзуре-Гуса“ также написано около того же времени. Это собраніе случайныхъ замѣтокъ. Въ немъ много философскихъ, религіозныхъ и юмористическихъ разсужденій и немало литературныхъ достоинствъ. Написано оно чистыми фонетическими японскими знаками, какъ романы Хейанъ, но гораздо болѣе сжатымъ и смѣлымъ языкомъ. При всемъ томъ, культура Хейанъ, взятая въ цѣломъ, погибла для этихъ эпохъ. Писались стихи, но въ нихъ уже не было силы музы Нара; они даже не достигли уровня поэзіи Хейанъ. Въ продолженіе большей части этихъ трехъ періодовъ монахи буддійскихъ храмовъ были почти единственными хранителями литературныхъ знаній.

Въ періодъ Токугавы произошло возрожденіе литературы, поднявшейся на неслыханную дотолѣ высоту.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этого періода, мы должны отмѣтить одно явленіе, не лишенное значенія и интереса: я имѣю въ виду такъ называемыя „но“. Они получили развитіе около середины періода Ашикага, а происходятъ отчасти отъ очень древней и простой пляски. Они пережили періодъ Ода-Тойотомы и сохранили живой интересъ вплоть до нашихъ дней. Это родъ драматическаго представленія, до нѣкоторой степени напоминающій оперу. Писанный текстъ распѣвается дѣйствующими лицами; въ каждой пьесѣ имѣется главный и второстепенный герой и достаточный хоръ. Я видѣлъ разъ греческую пьесу, исполнявшуюся кембриджскими студентами въ подражаніе древнимъ грекамъ, читалъ нѣкоторыя греческія драмы и замѣтилъ нѣкоторое сходство между ними и нашими „но“, хотя, конечно, масштабъ нашихъ „но“ миниатюрнѣе по сравненію съ драмами грековъ. Тексты „но“ называются „иокіюку“ или „Утай“. Они изучаются и поются даже не профессиональными актерами, а любителями. Они были очень популярны среди высшихъ классовъ населенія, а въ послѣднее время получили широкое распространеніе въ образованныхъ кругахъ общества. Фабула и дѣйствіе несложны, но довольно тонко задуманы, а нѣкоторыя мѣста текста превосходны, хотя классическими ихъ назвать нельзя. Тонъ ихъ — изящный и возвышенный, правящійся даже высшему обществу; поэтому „но“ въ особо важныхъ случаяхъ играли и при дворѣ сіюгуна. Въ тѣсной связи съ „но“ находятся и выросшіе вмѣстѣ съ ними своего рода фарсы, такъ называемые „кіюгенъ“. Слово „кіюгенъ“ буквально означаетъ: „сумасбродныя выраженія“. Тексты кіюгенъ представляютъ собой комическіе діалоги сатирическаго свойства, но безъ примѣси вульгарности; поэтический элементъ въ нихъ отсутствуетъ. Ихъ назначеніе увеселять публику, и главное ихъ достоинство заключается поэтому въ обиліи комическаго элемента. Ихъ никогда не поютъ; они приспособлены для дѣйствія и исполняются послѣ драмы „но“, хотя иногда „кіюгенъ“ исполняются самостоятельно, безъ „но“; во всякомъ случаѣ, они не лишены интереса. Часто главными героями ихъ являются феодальные князья, которыхъ нерѣдко одурачиваютъ другіе персонажи пьесы; они исполнялись во время са-



мага жестокаго господства феодальнаго режима, и все же не запрещались, если достигали своей цѣли — разсмѣшить. Это показываетъ, какъ тонко исполнялись комическія роли, если даже сами феодальные князья, присутствовавшіе на представленіяхъ, не считали возможнымъ обижаться. Въ этомъ было ихъ безспорное достоинство.

Въ періодъ Токугавы, какъ я говорилъ, широко распространились литература и книжныя знанія, и въ обыденной жизни немалую роль играли философскія диссертациі, между тѣмъ какъ въ предыдущіе періоды философія почти отсутствовала въ литературѣ. Писались историческія книги, классическіе комментаріи, этическихъ сочиненія и нравственныя поученія, и все это въ огромномъ количествѣ. Беллетристическія произведенія также появлялись въ поражающемъ множествѣ.

Послѣ утвержденія правительства Токугавы въ Іеддо, нынѣшнемъ Токио, страна пользовалась долгимъ періодомъ мира, болѣе 270 лѣтъ. Въ это время и искусство, и литература, какъ сказано было выше, сильно двинулись впередъ. Школы открывались не только въ Токио, но и чуть ли не въ каждой резиденціи феодальныхъ князей, не считая множества частныхъ школъ, окрывавшихся извѣстными преподавателями на собственныя средства. Въ этихъ школахъ начинали свое ученіе дѣти самураевъ, и даже многіе самураи, занятіемъ и единственной склонностью которыхъ въ прежнее время было фехтованіе, стали интересоваться книгами; въ частныхъ школахъ учились нерѣдко простолюдины. Образовалось цѣлое сословіе людей, занимавшихся науками, чтеніемъ, писаніемъ и преподаваніемъ. Большой частью это были китайскіе ученые, главнымъ образомъ стремившіеся пропагандировать ученіе Конфуція; они назывались *Зіуша* и пользовались высокимъ уваженіемъ. Въ началѣ періода они занимали одинаковое положеніе со жрецами или врачами, но съ теченіемъ времени стали пользоваться еще большимъ почетомъ. Имъ ввѣрялись довольно высокіе посты, особенно если они преподавали въ казенныхъ школахъ; не меньшимъ уваженіемъ пользовались и учителя частныхъ школъ. Эти то образованныя лица и писали массы книгъ по различнымъ вопросамъ, по большей части проникнутыхъ китайскими идеями классическаго періода, но приспособленныхъ къ духу того времени. Идеи эти въ сліяніи съ японскими понятіями о чести много способствовали развитію нашей національной морали. Эта эпоха отмѣчена еще однимъ движеніемъ. Мы говоримъ о пробужденіи интереса къ изученію древней японской литературы и возрожденіи древняго духа японскаго режима, предшествовавшаго феодальному строю. Это также способствовало образованію національнаго характера японцевъ наряду съ указанными выше факторами. Многіе учителя, раздѣлявшіе это направленіе, также написали много книгъ, особенно разъясненія старыхъ туземныхъ памятниковъ, изложенія старинныхъ японскихъ книгъ и классической литературы. Такова была наша серьезная и возвышенная литература этого періода, но имѣлась и популярная — я имѣю въ виду беллетристику: романы, повѣсти и драмы.

Происхожденіе беллетристики этого періода обусловливается отчасти тѣми же причинами, что и происхожденіе народной школы живописи (*Укійойе*), коренящейся въ оппозиціи живописи стараго и условнаго стиля. Это были, дѣйствительно, произведенія для народа, а не для аристократіи. Серьезная часть нашей литературы этого періода почти всецѣло составляла монополію высшихъ классовъ. Простой



народъ не имѣлъ къ ней ни доступа, ни влеченія, за исключеніемъ лицъ, которымъ обстоятельства благопріятствовали пріобрѣтенію высокихъ стремленій. Все же и въ немъ стала просыпаться потребность въ чтеніи, что не замедлили использовать нѣкоторые талантливые писатели. Писатели принадлежали къ тому же классу, что и ихъ читатели, или стояли внѣ классовъ, либо притворялись таковыми, изобрѣтая себѣ соотвѣтственные ложныя фамиліи. Поэтому литература ихъ вообще отличалась порядочной вульгарностью, подобно тому, какъ картины народной школы отличались отъ живописи другихъ школъ. Тѣмъ не менѣе, и эти книги обладали извѣстными достоинствами. Фабула ихъ и изложеніе настолько хороши, что нерѣдко трогаютъ сердца.

Величайшимъ писателемъ героическихъ романовъ этого періода является Бакинъ, о которомъ, по словамъ Астона, одинъ изъ критиковъ выражается слѣдующимъ образомъ:

„Бакинъ соединяетъ въ себѣ лучшія качества многихъ людей. Въ немъ много чертъ сходства съ Шекспиромъ. Имъ восторгаются не только женщины и дѣти, купцы и крестьяне. Даже у образованныхъ людей онъ исторгаетъ часто смѣхъ или слезы, либо заставляетъ ихъ скрежетать зубами и стискивать (отъ бѣшенства) руки своими твореніями“.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ эта оцѣнка, пожалуй, не совсѣмъ точна, какъ могли бы подумать иностранцы, незнакомые съ нашими приемами мышленія; но если она и не вполне выражаетъ истину, то, по крайней мѣрѣ, не далеко ушла отъ нея, и ее можно приложить и къ другимъ произведеніямъ того же рода.

Пожалуй, будетъ нелишнимъ привести бѣглый перечень этихъ произведеній. Это — историческія повѣсти, юмористическіе рассказы и романы; послѣдніе называются „нинджо-бонъ“ (книга человѣческой природы), и любовь составляетъ главное ихъ содержаніе. Женскіе персонажи этихъ романовъ обыкновенно не принадлежатъ къ высшимъ классамъ, и потому эти произведенія не удовлетворяютъ современнымъ вкусамъ. Но если принять во вниманіе, что тогдашнимъ писателямъ чрезвычайно трудно было брать героинь только изъ женщинъ высшихъ классовъ, подобно тому, какъ греческіе и римскіе драматурги первоначально выводили въ своихъ произведеніяхъ куртизанокъ и прихлебателей, то мы легко найдемъ достоинства въ ихъ изображеніяхъ человѣческихъ характеровъ. Кромѣ того, мы можемъ рекомендовать эти беллетристическія произведенія съ литературной точки зрѣнія, тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ, особенно такъ называемыя „кузасоши“, написаны на японскомъ разговорномъ языкѣ и чистымъ фонетическимъ алфавитомъ. Историческіе романы школы Бакина содержатъ на своихъ страницахъ много китайскихъ буквъ и потому не заслуживаютъ разсмотрѣнія, какъ мало способствовавшіе націонализаціи нашего литературнаго языка. Произведенія же, написанныя чистымъ фонетическимъ алфавитомъ, въ значительной мѣрѣ способствовали возрожденію письма классической литературы періода Хэйанъ, цѣлыя столѣтія остававшіеся въ забвеніи. Слѣдовательно, всѣ тѣ, кто желаетъ преобразовать нашъ письменный языкъ по образцу разговорнаго, должны непременно познакомиться съ этими произведеніями.

Есть еще важный родъ литературы, заслуживающій нашего вниманія. Это народная драма. Говоря о драмахъ, предварительно нужно сказать нѣсколько словъ о книгахъ, касающихся драмы. Ихъ очень



много, подъ общимъ обозначеніемъ „Джорури-бонъ“ или „Гидайу-бонъ.“ Онѣ не только заключаютъ въ себѣ діалоги, но и описаніе сценъ. Онѣ написаны въ формѣ новеллъ, но, конечно, гораздо короче ихъ, и притомъ обладаютъ музыкальнымъ размѣромъ, приспособленнымъ къ тому, чтобы ихъ можно было пѣть. Первоначально онѣ писались для театра маріонетокъ: искусные пѣвцы распѣвали текстъ, спрятавшіеся въ углу сцены, а маріонетки, не менѣе искусно управляемыя руками, производили на сценѣ дѣйствія, соотвѣтствующія словамъ. Онѣ могутъ быть распѣваемы и безъ маріонетокъ; изученіе ихъ поэтому широко распространено даже среди мужчинъ и женщинъ высшихъ классовъ. Ихъ можно приспособить и къ обыкновенной сценѣ, слегка видоизмѣнивъ діалоги. Почти одновременно съ ними возникли и обыкновенные театры, но ихъ развитіе совершалось нѣсколько медленнѣе. Профессиональные драматурги, стоящіе въ близкихъ отношеніяхъ къ сценѣ, писали пьесы, очень похожія на „джорури-бонъ“; въ нихъ было меньше хорового пѣнія и больше діалоговъ. Но эти пьесы, написанныя для обыкновенныхъ театровъ, отличались худшей литературной обработкой; изъ нихъ до самаго послѣдняго времени ни одна даже не была напечатана. Мимоходомъ сказать, большинство иностранцевъ думаетъ, что въ Японіи нѣтъ актрисъ, но это невѣрно. При зарожденіи театра, лѣтъ 300 тому назадъ, актеры и актрисы играли вмѣстѣ, но съ теченіемъ времени это было запрещено по какимъ-то причинамъ. Позже на сценѣ опять стали появляться актрисы, хотя и не въ такомъ числѣ, какъ актеры, причемъ первыя организовались въ труппы отдѣльно отъ вторыхъ. Въ мужскихъ труппахъ нѣкоторые артисты, какъ это бывало встарину на западныхъ сценахъ, исполняли женскія роли; а въ женскихъ—актрисы иногда исполняли мужскія роли—и тѣ, и другія очень удачно. Въ очень рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ мужчины и женщины играли вмѣстѣ въ одной пьесѣ; впрочемъ, замѣчается тенденція къ сліянію интересовъ, и вскорѣ, вѣроятно, мы увидимъ артистовъ и артистокъ играющими вмѣстѣ на одной сценѣ.

И обыкновенная сцена, и театръ маріонетокъ первоначально предназначались для простаго народа; въ отличіе отъ „но“ они никогда не пользовались покровительствомъ высшихъ классовъ. Лишь въ очень недавнее время даже великіе артисты стали занимать почетное положеніе въ обществѣ. (Могу добавить, что этому, въ нѣкоторой степени, довелось посодѣйствовать и мнѣ: по возвращеніи изъ Англіи я поднялъ широкую агитацію въ пользу реформы театра и поднятія положенія актеровъ). Неудивительно, что въ старинныхъ представителяхъ какъ маріонеточныхъ, такъ и обыкновенныхъ театровъ, да и въ самыхъ „джорури-бонъ“ было довольно вульгарности; но если сдѣлать тщательный подборъ книгъ этого рода, то можно найти немало такихъ, которыя обладаютъ высокими литературными достоинствами.

Я готовъ согласиться, что многія изъ нихъ, все-таки, очень вульгарны, но позволю себѣ сдѣлать замѣчаніе, которое, пожалуй, изумитъ западныхъ читателей: всѣ эти драмы, героическіе и историческіе рассказы въ соединеніи съ „гунданъ“, особенной манерой героическаго повѣствованія, сильно способствовали созданію современной Японіи. Героизмъ нашихъ моряковъ, пытавшихся заградить входъ въ Портъ-Артуръ, и солдатъ, побѣдившихъ при Ялу, Кинчжоу и Наншанъ, въ значительной мѣрѣ воспитанъ вліяніемъ, оказываемымъ упомянутыми произведеніями на всѣхъ японцевъ вообще. Разумѣется, я не игнори-



рую того факта, что и вліяніе нашего воспитанія и традицій сдѣлало ихъ столь патріотичными и лойяльными по отношенію къ родинѣ и императору; тѣмъ не менѣе, вліяніе драматическихъ представленій драматической литературы и романтическихъ повѣствованій о герояхъ и героиняхъ не можетъ быть обойдено молчаніемъ.

Этому есть причины. Въ Японіи беллетристическія драматическія произведенія всегда построены на идеѣ „поощренія хорошаго и наказанія дурного.“ Я отлично знаю, что эта идея вызываетъ нѣкоторые возраженія. Говорятъ, что беллетристика должна быть разсматриваема лишь какъ искусство. Разъ истинные характеры и дѣйствительная природа обрисованы вѣрно, то цѣль произведенія достигнута. Я не намѣренъ оспаривать этотъ взглядъ, но просто констатирую, что японцы смотрѣли на дѣло иначе. Поэтому нашихъ литературныхъ героевъ обязательно постигаетъ какое-нибудь наказаніе, либо награда, что производитъ и въ книгѣ, и на сценѣ глубокое впечатлѣніе на читателей или зрителей. Каковы бы ни были остальные качества произведенія, но эта сторона его всего болѣе запечатлѣвалась въ умѣ зрителя или читателя. Главной добродѣтелью, выводимой авторами, обыкновенно бываетъ необычайная вѣрность—напр., вѣрность слуги своему господину; твердость и настойчивость въ защитѣ права и справедливости; страданіе за друга; родительская любовь и самопожертвованіе; готовность жены пострадать и даже пожертвовать собою за мужа, или матери за сына, дабы онъ могъ исполнить долгъ свой передъ княземъ или господиномъ. Я, помнится мнѣ, самъ много разъ плакалъ, читая книгу, слушая драматическую пѣсню, либо смотря на представленіе. Эта особенность повидимому чужда западной сценѣ. Помню я, какъ однажды въ Лондонѣ, много лѣтъ тому назадъ, мои глаза также увлажнились: герой пьесы, котораго пришли забрать въ тюрьму, пожималъ руку своему близкому другу, заподозрѣнному, однако, въ томъ, что онъ вызвалъ его арестъ; онъ сказалъ ему уходя, что никогда не заподозритъ и не отречется отъ него, и этотъ рыцарскій поступокъ сильно тронулъ публику. Но это было со мною одинъ лишь разъ.

Говоря о Шекспирѣ, я боюсь, что перехожу границы приличія; но я долженъ сознаться, что даже пьесы Шекспира, которыя я читалъ или видѣлъ на сценѣ, никогда не производили на меня такого впечатлѣнія, какъ японскія пьесы. Когда мы отправляемся въ западные театры, мы любуемся декорацией, прекрасными фигурами и движеніями артистовъ и артистокъ и, въ мѣру разумѣнія, поразительнымъ изяществомъ и силой ихъ діалоговъ, и все это доставляетъ намъ наслажденіе; но, пока мы возвратимся домой, у насъ въ душѣ уже ничего не остается, что могло бы служить стимуломъ въ дальнѣйшей нашей жизни. Ни одушевленія, ни вдохновенія! Вотъ въ чемъ, кажется мнѣ, заключается разница между нашими и западными драматическими произведеніями. И если хорошія стороны нашей драмы будутъ когда-нибудь оцѣнены западными народами, мы будемъ чрезвычайно польщены.

Теперь оставимъ періодъ Токугавы и скажемъ нѣсколько словъ объ эрѣ Мейджи, въ которой мы теперь живемъ. Наплывъ европейскихъ идей измѣнилъ у насъ рѣшительно все, сообщивъ новое направленіе и литературѣ. Я не могу, однако, распространяться о ней, а ограничусь двумя словами. Беллетристическія произведенія и теперь пишутся въ большомъ количествѣ. Наша эпоха еще не создала великихъ талантовъ, подобныхъ геніямъ періода Токугавы, но мы въ нѣкоторыхъ от-



ношеніяхъ шагнули впередъ. Тогда какъ писатели временъ Токугавы не обладали большимъ образованіемъ, о чемъ упоминалось выше, современные писатели въ большинствѣ являются людьми, получившими правильное воспитаніе и образованіе; многие изъ нихъ окончили университетъ, а другіе знакомы съ западной литературой. Если бы только общество больше поощряло ихъ трудъ, они бы несомнѣнно сильно преуспѣли. Долженъ прибавить, что писатели нашего поколѣнія пишутъ и драматическія пьесы. Правда, до сихъ поръ они не создали ничего замѣчательнаго. „Чиушингура“ (48 рониновъ) или „Сендайхага“ (Lespedeza bicolor изъ Сендая) періода Токугавы до сихъ поръ еще ничѣмъ не превзойдены.



## Глава XXVII.

### Пресса.

Г-на Тсумото

(редактора газеты „Japan Times“).

Въ сужденіи о степени цивилизаціи, достигнутой народомъ, самымъ вѣрнымъ и надежнымъ руководителемъ, думается мнѣ, можетъ служить повседневная пресса. Пресса есть вѣрное отраженіе жизни народной въ многообразныхъ ея проявленіяхъ. Пресса можетъ быть плоха либо хороша, но она не можетъ быть на много хуже или лучше народа, ее породившаго.

Есть много мужчинъ и женщинъ, жалующихся на прессу своей родины или нѣкоторую часть ея и отпускающихъ весьма нелестныя замѣчанія по адресу жалкихъ рабовъ редакторской комнаты, забывая о томъ, что они непрерывно оказываютъ имъ существенную поддержку и поощреніе, не только тѣмъ, что покупаютъ ихъ изданія, но и тѣмъ, что наслаждаются гнусными произведеніями ихъ пера. Такъ что въ конечномъ счетѣ не редакторы, но публика создаетъ прессу. Я говорю это не для того, чтобы защищать желтую прессу — у насъ такихъ изданій и безъ того слишкомъ достаточно; я хочу лишь сказать, что пресса страны служить лучшимъ и самымъ вѣрнымъ показателемъ прогресса, сдѣланнаго ею въ области культуры, нравовъ и всего прочаго, что привходитъ въ понятіе, обозначаемое нами посредствомъ слова цивилизація.

Въ Японіи пресса, худо ли, хорошо ли, стала огромной силой и дѣйствительно можетъ быть названа четвертымъ сословіемъ государства. Въ рядахъ ея стояло и теперь еще стоитъ немало очень интеллигентныхъ людей, и нѣкоторые министры и многіе видные политическіе дѣятели своими первыми познаніями обязаны прессѣ. Можно даже сказать, что въ Японіи пресса является воспитательницей государственныхъ людей.

Въ Японіи газеты народились въ очень древнюю эпоху. Китайцы хвалятся тѣмъ, что имѣютъ древнѣйшую въ мірѣ газету — Столичную газету (Кин-пао), до сихъ поръ издающуюся въ Пекинѣ и существующую около 400 лѣтъ. Если мы и не можемъ похвастать совершенно тѣмъ же, то все же можемъ похвалиться, что нашъ журнализмъ имѣетъ свою исторію и прочно установившуюся репутацію, и намъ нечего стыдиться, если я скажу, что происхожденіе японской журналистики можетъ быть отнесено къ первой половинѣ семнадцатаго вѣка. Еще задолго до того, какъ стѣна, отдѣлявшая насъ отъ внѣш-



няго міра, была сломана нетерпѣливыми народами запада, наши предки изобрѣли способъ находиться въ курсѣ текущихъ событій и новостей. Газеты того времени печатались очень примитивнымъ способомъ, съ деревянныхъ досокъ, спѣшно изготовлявшихся для каждаго выпуска. Онѣ были очень скудны свѣдѣніями, неудобны по формѣ и выходили черезъ неправильные промежутки времени, такъ какъ срокъ выхода ихъ не обозначался. Онѣ не выпускались какимъ-либо опредѣленнымъ и постояннымъ издателемъ. Всякій могъ издавать ихъ и когда угодно. Эти газеты назывались Йоміури, что означаетъ: „продаваемые въ розницу“.

Древнѣйшія изъ этихъ газетъ, хранившіяся въ архивахъ нѣкоторыхъ нашихъ княжескихъ фамилій, помѣчены самымъ началомъ семнадцатаго вѣка и содержатъ въ себѣ очень живыя изображенія нѣкоторыхъ трагическихъ сценъ паденія знаменитаго Осакасаго замка во время войны, закончившейся окончательнымъ утвержденіемъ сіогунской династіи Токугавы. Вполнѣ возможно, что даже ранѣе этого времени уже существовало что-нибудь, соответствовавшее Йоміури; но исторія на сей счетъ не даетъ никакихъ указаній. Мы поэтому не имѣемъ достаточныхъ основаній относить начало нашей журналистики далѣе первыхъ лѣтъ семнадцатаго вѣка. Но и это довольно древняя эпоха для столь молодой націи, какъ Японія.

Эти первыя газеты, однако, не пытались даже въ эпоху своего расцвѣта оказывать воспитательное вліяніе на своихъ читателей; онѣ довольствовались сообщеніемъ новостей. Примѣру ихъ смѣло могли бы послѣдовать редакторы нѣкоторыхъ современныхъ изданій, къ облегченію своихъ читателей. Но даже и въ тѣ дни существовало соревнованіе по части собиранія свѣдѣній, и поспѣшное „упрежденіе событій“ часто приводило къ сообщенію ложныхъ свѣдѣній. И въ тѣ времена редакціи старались какъ можно скорѣе вынести на улицу новости, представлявшія крупный интересъ. Извѣстна повѣсть о безсмертной славѣ сорока семи рониновъ изъ Аки, которымъ послѣ продолжительной, крайне тяжелой и геройской борьбы удалось отомстить за смерть любимаго владыки въ началѣ 1703 г. Исторія сообщаетъ, что по улицамъ Іеддо въ теченіе нѣсколькихъ часовъ продавалось по этому случаю полное печатное описаніе этого трагического происшествія. Въ виду несовершенныхъ средствъ сообщенія и первобытныхъ способовъ добыванія и обнародованія свѣдѣній въ ту эпоху, одинъ этотъ фактъ говоритъ краснорѣчивѣе многотомныхъ описаній предпріимчивости и ловкости столь часто поносимыхъ репортеровъ того времени.

Эти первыя газеты издавались только въ крупныхъ городахъ, какъ Іеддо (Токио), Осака и Кіото. Людямъ, не имѣвшимъ счастья жить въ этихъ городахъ, приходилось ждать новостей до того времени, когда ихъ друзья получали возможность прислать имъ газету. Въ то время существовала система почтового сообщенія, которая въ случаѣ общественной необходимости могла дѣйствовать весьма успѣшно. При помощи скороходовъ, размѣщенныхъ на короткихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, почтовые сумки нерѣдко пересылались на разстояніе 300 верстъ за 24 часа.

Въ Японіи искусство книгопечатанія извѣстно было лѣтъ за пятьсотъ до реставраціи, и въ это время существовали тысячи книгъ, отпечатанныхъ посредствомъ подвижнаго шрифта. Въ этихъ подвижныхъ буквахъ было много несовершенствъ; и такъ какъ онѣ не удовлетво-



рили эстетическимъ требованіямъ публики, то и не получили большого распространенія.

Кромѣ изданій Йоміури, которыя были частными изданіями, феодальное правительство Токугавы издавало газету подъ названіемъ Госата-Джуки, экземпляры которой доставлялись чиновникамъ и нѣкоторымъ привилегированнымъ лицамъ. Она выходила ежедневно, за исключеніемъ праздниковъ, и въ этомъ отношеніи больше походила на современную газету, чѣмъ Йоміури. Но въ ней помѣщались только официальные назначенія, объявленія и придворныя новости. Нельзя сказать точно, когда она начала выходить, но принято считать, что она почти столь же древняя, какъ и династія, подъ покровительствомъ которой она процвѣтала. Она была родоначальницей Даджо Кванъ Ниши, которая стала издаваться тотчасъ же послѣ возвращенія политической власти императору, тридцать пять лѣтъ тому назадъ, и выходящей нынѣ Официальной Газеты.

Послѣ открытія страны для внѣшнихъ сношеній, въ послѣдніе дни правительства сіюгуна, вышло около тридцати газетъ или періодическихъ изданій въ Іеддо и Іокогамѣ; нѣкоторыя изъ нихъ были основаны японцами въ сотрудничествѣ съ иностранными резидентами, но большинство издавалось подъ японскимъ руководствомъ.

Тридцать пять лѣтъ тому назадъ въ Токио основалась первая газета, достойная этого названія, извѣстная подъ именемъ Чугай Шимбунъ. Она стала выходить въ первый годъ нынѣшняго царствованія. Это было еженедѣльное изданіе, сперва печатавшееся съ деревянныхъ досокъ, а позднѣе — посредствомъ подвижного шрифта. Газета издавалась Шунзо Янагавой, извѣстнымъ ученымъ того времени, при участіи нѣсколькихъ видныхъ писателей, между прочимъ покойнаго барона Канда. Въ отличіе отъ Йоміури, она не довольствовалась безличной ролью простого источника новостей; въ ней помѣщались редакціонныя статьи на злободневныя темы. Но содержаніе десяти страницъ этой газеты представляется, конечно, весьма зауряднымъ по сравненію съ нынѣшними газетами Японіи.

Веденіе газетнаго дѣла въ то время едва ли можетъ быть сравниваемо съ нынѣшнимъ, какъ можно видѣть изъ приводимой ниже замѣтки, появившейся въ одной изъ нихъ:

„Редакція съ удовольствіемъ отмѣчаетъ возрастающій успѣхъ ея предпріятія и увѣдомляетъ своихъ подписчиковъ, что, въ виду умноженія труда и хлопотъ, связанныхъ съ усилившимся тиражемъ газеты, благосклонные подписчики оказали бы ей неоцѣненную услугу, если бы посылали сами за нумерами, нынѣ доставляемыми имъ на домъ“.

Наконецъ, наступило время, когда и въ Японіи появилась первая ежедневная газета современнаго типа. Въ 1871 г. стала выходить въ Іокогамѣ Майничи, впоследствии перенесенная въ Токио, гдѣ она и теперь еще занимаетъ почетное положеніе. За этимъ предпріятіемъ послѣдовало открытіе многихъ другихъ ежедневныхъ изданій въ Токио, изъ коихъ нѣкоторыя понынѣ занимаютъ первенствующее мѣсто въ рядахъ японской журналистики. Изъ такихъ упомянемъ о Ничи-Ничи, Хочи, Ниппонъ и Йоміура Шимбунъ. Въ 1872 г. англичанинъ по имени Блэкъ, оказавшій крупныя услуги новому императорскому правительству, сталъ издавать ежедневную газету, печатавшуюся на японскомъ языкѣ. Такъ какъ онъ превосходно владѣлъ этимъ языкомъ, то его газета Нисинъ Шинджи-Ши немало со-



дѣйствовала развитію японской журналистики. Къ сожалѣнію, существованіе этой газеты было непродолжительно, но она успѣла сдѣлать свое дѣло. Съ этой поры ростъ и совершенствованіе японской прессы шли быстрымъ и неуклоннымъ путемъ, и въ настоящее время вы не найдете ни одного города съ населеніемъ больше 10.000, гдѣ не выходило бы двѣ и болѣе газетъ. Въ 1899 г. число газетъ и журналовъ доходило до 978; изъ этого числа половина посвящена политическимъ вопросамъ и извѣстіямъ, остальные изданія занимаются вопросами религіи, литературы или науки.

Вполнѣ естественно, что Токио является главнымъ центромъ японской журналистики и здѣсь выходитъ отъ 30 до 40 ежедневныхъ газетъ. Изъ нихъ наибольшимъ вліяніемъ пользуются Джиджи, Ничи-Ничи, Кокуминъ, Майничи, Йоміури, Чугай-Шогіо и Ниппонъ. Эти газеты выходятъ въ размѣрѣ отъ восьми до шестнадцати страницъ, содержаніе ихъ составляютъ редакціонныя статьи, общія новости, смѣшанный матеріалъ и беллетристика. Эти передовыя газеты пользуются огромнымъ политическимъ вліяніемъ, и изъ ихъ кадровъ вышли многіе политическіе дѣятели.

Жители Токио, подобно парижанамъ, предпочитаютъ свѣдѣнія о томъ, что происходитъ въ ихъ городѣ, новостямъ изъ внѣшняго міра. Они питаютъ глубокое презрѣніе къ провинціальной жизни, и хотя печатаютъ телеграммы изъ Осаки и другихъ большихъ городовъ, но онѣ носятъ поверхностный характеръ. Токійскія газеты тратятъ больше всего энергіи на городскія новости, считающіяся необходимой приманкой изданія. Такой же приманкой считаются печатаемые въ отдѣлѣ фельетона романы, нерѣдко переводные съ англійскаго или французскаго.

Прежде существовало мнѣніе, что газеты можно разбить на два большихъ разряда — крупныя и мелкія. Это дѣленіе болѣе основывалось на содержаніи, чѣмъ на размѣрѣ изданій. Считалось несовмѣстнымъ съ достоинствомъ крупной газеты печатать сообщенія личнаго характера и полицейскія свѣдѣнія. Главнымъ матеріаломъ такой газеты служили политическія новости. Джиджи, Ничи-Ничи и Кокуминъ причислялись къ разряду большихъ газетъ, а Йорродзу и Мійако и позднѣе — закрытая недавно Нироку считались мелкими газетами. Успѣхъ этихъ мелкихъ газетъ показалъ болѣе крупнымъ изданіямъ, что сообщенія, представляющія общечеловѣчскій интересъ, являются очень цѣннымъ матеріаломъ, и онѣ начали помѣщать полицейскія свѣдѣнія. Новѣйшія мелкія газеты составляютъ желтую прессу Японіи, существующую, кажется, во всякой странѣ.

Желтая пресса насчитываетъ въ своихъ рядахъ нѣсколько широко распространенныхъ изданій; несомнѣнно, это самыя выгодныя съ матеріальной стороны. Многіе ругаютъ эти газеты, и нѣкоторые, я думаю, вполнѣ искренно; но многіе изъ этихъ почтенныхъ людей не совсѣмъ, говорятъ, послѣдовательны въ этомъ отношеніи, ибо обнаруживаютъ непостижимое и весьма основательное знакомство съ содержаніемъ этихъ газетъ.

Злые языки утверждаютъ, что люди читаютъ ихъ каждое утро, передъ отправленіемъ на работу; въ ихъ отсутствіе эти газеты читаютъ жены; и, наконецъ, эти газеты попадаютъ въ комнату прислуги. Не слѣдуетъ, однако, думать, что японцы принимаютъ въ серъезъ эти сенсаціонныя газеты; забавляясь ихъ сообщеніями личнаго характера и описаніями скандаловъ, они придаютъ имъ такъ мало значенія, что,



когда встрѣчаютъ свои фамилии въ сообщеніяхъ двусмысленнаго свойства, то относятся къ этому съ полнымъ равнодушіемъ. Если же эти газеты держатъ пускаться въ обсужденіе серьезныхъ государственныхъ вопросовъ, то онѣ встрѣчаютъ еще болѣе явное презрѣніе. По этому поводу я позволю себѣ привести характерный случай. Когда шли переговоры объ англо-японскомъ союзѣ и никто въ Токио, кромѣ правительства, не подозрѣвалъ даже объ этомъ, одинъ изъ самыхъ „желтыхъ“ журналовъ вышелъ въ одно декабрьское или январское утро передъ подписаніемъ договора съ отпечатаннымъ жирными буквами заявленіемъ о томъ, что между Лондономъ и Токио происходятъ переговоры въ видахъ заключенія союза между обѣими державами. Конечно, руководители газеты рассчитывали произвести огромную сенсацию во всей странѣ, если не во всемъ мірѣ; но ихъ торжество было преждевременно, ибо, въ силу установившейся за ними репутаціи, сообщеніе, которое, въ сущности, было очень ловкимъ ходомъ, не обратило на себя рѣшительно ничего вниманія.

Что касается распространенности, то въ этомъ отношеніи наши газеты далеко отстаютъ отъ иностранныхъ своихъ собратьевъ. Сенсационныя газеты, какъ и во всякой странѣ, имѣютъ болѣе большой сбытъ, чѣмъ серьезныя и почтенныя органы. Изъ нихъ Нироку, несомнѣнно, печатавшійся въ максимальномъ числѣ экземпляровъ, могъ похвалиться суточнымъ тиражомъ въ 150.000 слишкомъ нумеровъ; Иородзу, послѣ закрытія Нироку самая популярная газета такого же направленія, печатается, вѣроятно, 120.000 нумеровъ въ день. Остальныя газеты выходятъ въ значительно меньшемъ количествѣ экземпляровъ. Очень немногія газеты серьезнаго тона, за исключеніемъ двухъ, могутъ похвалиться тиражомъ свыше 30.000. Въ среднемъ же онѣ печатаются въ количествѣ отъ 10.000 до 15.000 экз. Упомянутое мною исключеніе составляютъ двѣ передовыя газеты въ Осакѣ, изъ коихъ одна расходуется въ количествѣ 150.000, а другая свыше 100.000 нумеровъ ежедневно. Но политическое вліяніе ихъ не можетъ идти въ сравненіе съ вліяніемъ большихъ токійскихъ газетъ. Зато онѣ идутъ впереди японской журналистики съ точки зрѣнія дѣловой, отчасти благодаря хорошему управленію газетой, главнымъ же образомъ благодаря блестящимъ условіямъ въ видѣ неподобнаго географическаго положенія и прочнымъ дѣловымъ связямъ съ Осакой; по этимъ причинамъ означенныя газеты пользуются распространеніемъ въ самыхъ населенныхъ и промышленныхъ частяхъ имперіи.

Въ Токио существуетъ восемь газетныхъ агентствъ, на подобіе современныхъ лондонскихъ. Задача ихъ состоитъ въ доставленіи газетамъ свѣдѣній. Эти агентства работаютъ такъ хорошо, что въ Токио можно было бы открыть газету безъ всякаго редакціоннаго персонала или репортеровъ и заполнять столбцы ея одними сообщеніями агентствъ. Эти агентскія сообщенія чаще всего появляются въ болѣе крупныхъ газетахъ, такъ какъ въ газеткахъ желтой прессы для нихъ остается мало мѣста. Напримѣръ, Иородзу состоитъ изъ четырехъ страницъ, изъ коихъ послѣдняя заполняется объявленіями. На первой страницѣ помѣщаются нѣсколько редакціонныхъ замѣтокъ, стихотворенія, часть романа и нѣкоторыя объявленія. На второй страницѣ — финансовыя, экономическія и общія свѣдѣнія, а также specially-политическія новости. Третья страница заполняется интересными, живо написанными статьями на темы, представляющія общечеловѣческой интересъ и не-



рѣдко почерпаемыя изъ полицейскихъ сферъ. Именно, Йорродзу впервые познакомилъ японцевъ съ Дюма, къ отчаянію остальной желтой прессы, не сумѣвшей найти столь же обаятельной приманки. Но, хотя желтые журналы и продаются въ большомъ количествѣ, они не пользуются большимъ вліяніемъ, если не считать низшихъ классовъ. Задача развитія общественнаго мнѣнія предоставляется болѣе крупнымъ газетамъ. Какъ мы раньше говорили, многіе дѣятели и вожди политическихъ сферъ вступили въ официальную и парламентскую жизнь изъ школы, гдѣ получили первоначальную подготовку — изъ газетной редакціи.

Г-нъ Юкіо Осаки, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, а нынѣ вождь конституціонной партіи въ палатѣ депутатовъ, много лѣтъ былъ журналистомъ; также и баронъ Суйематсу, занимавшій различные важные посты въ кабинетѣ маркиза Ито. Г-нъ Хара, способный государственный дѣятель молодой школы, бывшій редакторъ Осака Майничи, былъ министромъ путей сообщенія въ послѣдніе годы управленія маркиза Ито; а г-нъ Инукаи, предсѣдательствовавшій въ департаментѣ народнаго образованія въ послѣднемъ кабинетѣ графа Окумы, прославилъ свое имя въ журналистикѣ. Нынѣшній главный редакторъ Хочи, г-нъ Миноура, былъ товарищемъ министра путей сообщенія, а г. Коматсубара, изъ Осака Майничи, оказалъ много услугъ послѣднему кабинету маркиза Ямагаты въ роли товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Есть еще не мало другихъ выдающихся политическихъ дѣятелей, вышедшихъ изъ журнальной школы. Таковы г. Токутоми, изъ Кокуминъ; г. Асакина, изъ Ничи-Ничи; г. Куга изъ Ниппона; г. Шинада, изъ Майничи, и г. Оска изъ Чуо.

Огромнаго уваженія и вѣчной памяти потомства заслуживаетъ г. Фуказава, учредитель и редакторъ Джиджи. Онъ сдѣлалъ больше, чѣмъ кто бы то ни было, для того, чтобы поднять японскую прессу на ея нынѣшнюю высоту, на которой она пользуется авторитетомъ, соразмѣрнымъ съ талантами тѣхъ, кто руководить ею.

Въ Японіи газеты подчиняются закону о печати, но онъ не ставитъ сколько-нибудь серьезныхъ препятствій ихъ дѣятельности. Можно смѣло сказать, что онъ столь же либераленъ, какъ и во всякой другой странѣ. Отъ начала до конца года газеты самымъ свободнымъ образомъ критикуютъ политику и поведеніе правительства, не боясь административнаго вмѣшательства. Единственныя ограниченія свободы печати относятся къ разглашенію государственныхъ и военныхъ тайнъ въ тревожное время. Но прежде, чѣмъ такое ограниченіе приводится въ дѣйствіе, печати дается предостереженіе, такъ что патріотичный и благонамѣренный редакторъ не подвергается опасности быть захваченнымъ врасплохъ десницей закона.

Женщины-журналисты выдвигаются теперь въ Японіи на первый планъ, и ихъ можно встрѣтить во многихъ редакціяхъ. По мнѣнію одного изъ выдающихся японскихъ редакторовъ, эти молодые дамы прекрасно работаютъ въ качествѣ писателей на общественныя темы и въ качествѣ интервьюэровъ. По моему же мнѣнію, — еще вопросъ, не приходится ли пожалѣть, что дамы, ударяющіяся въ журналистику, дѣлаютъ этотъ рѣшительный шагъ.

Японскія газеты всегда были одушевлены глубокими чувствами уваженія и дружбы къ британской націи, — чувствами, находившими самое широкое выраженіе по всѣмъ важнымъ поводамъ. Въ своихъ



стараніяхъ направлять и воспитывать народъ въ области политики, торговли, національнаго развитія японская пресса неизмѣнно указывала на Великобританію, какъ на образецъ для подражанія. Изъ десяти редакторовъ девять искали и понынѣ ищутъ въ благородной сокровищницѣ англійской литературы вдохновенія и свѣдѣній для своей повседневной работы. Лучшая часть японской прессы всегда считала англійскую журналистику съ ея непоколебимыми традиціями драгоцѣннымъ факторомъ культурнаго развитія японцевъ.

Будущее японской прессы представляется свѣтлымъ, и, пока она будетъ шествовать по тому же пути прогресса, сила ея, какъ руководителя японской націи, будетъ расти все больше.



## Глава XXVIII.

### Почта, телеграфъ и телефонъ.

Главнаго директора управленія почтъ и телеграфовъ.

#### I. Почтовая служба.

Почтовая служба на европейскій манеръ впервые введена была въ мартѣ 1871 г., когда установлена была пересылка корреспонденціи между Токио, Кіото, Осакой и Йокогамой.

Правильная пересылка казенной корреспонденціи существовала уже задолго до этого времени. Частная же корреспонденція пересылалась городскими курьерами, и этого рода служба непрерывно развивалась съ шестнадцатаго столѣтія (періодъ Камбунъ).

Въ 1871 г. впервые выпущены почтовые марки и изданы почтовые правила. Выполненіе этихъ правилъ и продажа почтовыхъ марокъ поручены вѣдѣнію губернаторовъ департаментовъ. Когда дѣйствіе этой системы урегулировалось, было открыто почтовое сообщеніе съ Кобе, Нагасаки, Ніигатой, Хакодате и др. мѣстами. Оффиціальныя вѣдомости, газеты, книги и образчики товаровъ отнесены были къ разряду бандерольныхъ отправленій.

Въ 1872 г. почтовымъ сообщеніемъ связаны были почти всѣ города имперіи. Почтовый тарифъ не былъ еще однообразенъ и измѣнялся въ зависимости отъ разстоянія. Кромѣ того, существовало еще различіе въ стоимости пересылки въ предѣлахъ одного и того же города, пересылки за предѣлы города и пересылки отправленій мѣстныхъ властей и тѣхъ, которыя разсылались въ предѣлахъ одного и того же административнаго округа.

Въ 1873 г. для устраненія неудобствъ, связанныхъ съ неравномѣрными ставками, былъ введенъ новый тарифъ, не основанный на разстояніи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отправленій, таксировавшихся по особому разсчету. Въ этомъ же году упразднена была пересылка писемъ частными предпріятіями и она стала исключительной монополіей государства. Были выпущены открытыя письма, штемпельные конверты и бандероли для облегченія способовъ сношеній, — словомъ, почтовая служба организована была вполне удовлетворительнымъ образомъ.

Конвенція о телеграфномъ обмѣнѣ съ Соединенными Штатами заключена была въ 1874 г., а въ слѣдующемъ году приведена въ дѣйствіе.

Желая распространить почтовые сношенія за предѣлы имперіи, правительство учредило въ 1875 г. почтовые рейсы между Японіей,



Шанхаемъ и сосѣдными китайскими портами. Въ 1876 г. открыты японскія почтовые конторы въ Китаѣ и Корей.

Въ 1877 г. Японія присоединилась къ всемірному почтовому союзу, и это обстоятельство дало ей возможность значительно усовершенствовать свои почтовые сношенія съ другими странами.

Въ 1878 г. японскіе делегаты парижскаго всемірнаго почтоваго конгресса подписали конвенцію всемірнаго почтоваго союза, составленную на этомъ конгрессѣ и введенную въ дѣйствіе въ апрѣлѣ слѣдующаго года.

Въ 1879 г. заключено съ почтовой администраціей Гонконга соглашеніе объ обмѣнѣ посылокъ, приведенное въ исполненіе въ слѣдующемъ году.

Въ 1882 г. всѣ части имперіи соединены почтовыми трактами и число почтовыхъ конторъ доведено до небывалой цифры. Почтовые правила, неоднократно подвергавшіяся измѣненію, все же не могли удовлетворять требованіямъ времени, и въ томъ же году на смѣну имъ былъ изданъ новый почтовый законъ, отмѣнившій спеціальныя ставки и установившій однообразный тарифъ.

Въ 1883 г., чтобы усилить распространеніе почты, почтовое управленіе упростило надзоръ надъ мѣстными отдѣленіями. Вся страна была раздѣлена на почтовые округа, въ каждомъ изъ которыхъ учреждено отдѣленіе центральнаго управленія, на которое возложенъ надзоръ за мѣстными почтами, ранѣе поручавшійся губернаторамъ департаментовъ.

Въ 1885 г. выпущены открытыя письма съ уплоченнымъ отвѣтомъ. Въ томъ же году делегаты, посланные на почтовый конгрессъ въ Лиссабонѣ, подписали дополнительную конвенцію, заключенную на конгрессѣ, приведенную въ исполненіе въ слѣдующемъ году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

Въ 1886 г., въ видахъ дальнѣйшаго упрощенія надзора за почтовой службой, отдѣленія главнаго управленія, учрежденныя въ почтовыхъ округахъ, преобразованы въ мѣстныя управленія почтъ, которымъ въ значительной мѣрѣ переданы и административно-почтовые функции.

Соединеніе почты и телеграфа оказалось чрезвычайно благотѣльнымъ для развитія этой системы и раціональнымъ по экономическимъ соображеніямъ, и понемногу почтовые и телеграфныя конторы стали сливаться въ одно учрежденіе.

Въ 1889 г. почтовымъ и телеграфнымъ конторамъ перваго класса присвоены были административныя функціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, упразднены мѣстныя управленія почтъ. Въ томъ же году почтовый законъ пересмотрѣнъ въ видахъ уменьшенія на половину тарифа періодическихъ изданій, отнесенныхъ къ третьей категоріи почтовыхъ отправокъ; увеличенія предѣльнаго вѣса книгъ, чертежей, плановъ и образцовъ товаровъ, отнесенныхъ къ четвертой категоріи; включенія сѣмянъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ четвертую категорію и уменьшенія тарифа на почтовые отправления послѣдней категоріи.

Въ 1890 г. заключена конвенція съ Канадой объ обмѣнѣ почтовыми посылками, приведенная въ дѣйствіе въ слѣдующемъ году.

Японскіе делегаты всемірнаго почтоваго конгресса въ Вѣнѣ подписали акты, заключенные конгрессомъ и приведенные въ исполненіе въ слѣдующемъ году, въ іюлѣ мѣсяцѣ.



Внутренняя почтовая посылочная служба, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ служившая предметомъ спеціальнаго изслѣдованія, введена въ 1892 г. Это нововведеніе, столь благопріятствующее торговлѣ и промышленности, сильно облегчило задачу пересылки предметовъ небольшихъ размѣровъ. Тарифъ на посылки не былъ еще однообразенъ и опредѣлялся вѣсомъ и разстояніемъ. Посылки, доставлявшіяся внѣ городскихъ поселеній, облагались особымъ сборомъ, вскорѣ, впрочемъ, отмѣненнымъ.

Правила военной почтовой службы были изданы во время экспедиціи японской арміи въ Корею, въ іюнѣ 1894 г. Эти правила опредѣляютъ, какъ поступать съ корреспонденціей, посылаемой въ Японію войсками, матросами и лицами, находящимися на службѣ арміи или флота, когда они посланы въ чужія страны во время войны или другихъ чрезвычайныхъ событій. Эта корреспонденція пересылалась бесплатно.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя объявлена была война Китаю, и для нуждъ почтовой службы оказалось необходимымъ учредить полевые почтовые конторы, обслуживавшія экспедиціонныя войска въ Китаѣ. Онѣ уполномочены были посылать почту, отправлять почтовые переводы и принимать вклады на сбереженіе.

Формоза стала японскимъ владѣніемъ въ силу мирнаго договора съ Китаемъ, заключеннаго въ 1895 г., а въ апрѣлѣ 1896 г. здѣсь уже была введена почтовая система.

Въ 1895 г., для поощренія земледѣлія, сѣмена, почтовый тарифъ на который былъ снова уменьшенъ наполовину, были включены во вновь образованную пятую категорію посылочныхъ отправленій.

Въ 1896 г. былъ отмѣненъ добавочный сборъ за доставку посылокъ внѣ городовъ, предѣлы разстояній сильно расширены безъ повышенія тарифа, и увеличенъ предѣльный вѣсъ посылокъ. Въ томъ же году были открыты японскія почтовые конторы въ Соочоу, въ Хангчоу и въ Шаши (Китай), а въ слѣдующемъ году въ Мокпо (Корея).

Почтовый тарифъ для международной корреспонденціи былъ измѣненъ въ 1897 г. по случаю введенія золотой валюты. Японскіе делегаты отправлены были на международный конгрессъ въ Вашингтонъ, и конвенціи и постановленія, принятые здѣсь, были введены въ дѣйствіе въ январѣ слѣдующаго года.

Въ 1898 г. увеличенъ былъ предѣльный объемъ для внутреннихъ посылокъ.

### Почтовые конторы и почтовые агентства.

При основаніи почтовой службы почтовые конторы не дѣлились на классы. Только въ 1873 г. онѣ были раздѣлены на четыре класса, а въ 1874 прибавленъ пятый.

Въ 1875 г. эти конторы заново раздѣлены на пять классовъ. Въ городахъ съ нѣсколькими конторами одна названа центральной, а прочія — отдѣленіями. Въ 1886 г. конторы и отдѣленія сгруппированы уже только въ три класса, и эта классификація соблюдается до настоящаго времени. Въ томъ же году рѣшено было соединить почту съ телеграфомъ, и почтовые, и телеграфныя конторы одного и того же города постепенно стали сливаться въ одно учрежденіе, начиная съ мѣстностей болѣе значительныхъ, гдѣ нужда въ этомъ чувствовалась



сильнѣе. Почтовые конторы, не имѣвшія телеграфной службы, обзаводились ею и превращались въ почтово-телеграфныя конторы.

Почтовые агентства учреждены въ 1875 г. въ округахъ, удаленныхъ отъ почтовыхъ конторъ, для приѣма заказной корреспонденціи, а почтовые ящики, введенные съ самаго начала почтовой службы, умножались въ числѣ по мѣрѣ развитія почтового дѣла.

Число почтовыхъ конторъ съ 180 въ концѣ перваго года почтовой системы возросло до 4325 въ концѣ фискальнаго 1898 года. Это произошло благодаря расширенію района дѣйствія почты, ограничивавшагося въ 1871 г. тремя большими городами имперіи—Токио, Осакой и Киото, пятью портами, открытыми для иностранной торговли—Йокогамой, Кобе, Нагасаки, Ниигатой и Хакодате—и всѣми селами, расположенными на почтовыхъ трактахъ, соединяющихъ упомянутые города.

Въ настоящее время въ Японіи имѣется свыше 5000 почтовыхъ и болѣе 1800 телеграфныхъ конторъ, съ 23.000 чиновниковъ и болѣе 66.000 служащихъ. Ежегодно пересылается 150.000.000 закрытыхъ и 350.000.000 открытыхъ писемъ. Шестдесятъ восемь процентовъ поступленій идутъ на веденіе почтового дѣла. Центральной конторы недоставленныхъ писемъ не существуетъ, — этимъ дѣломъ завѣдуютъ конторы въ Йокогамѣ, Кобе, Нагасаки, Токио и Саннорэ.

Почтовые тракты (обыкновенные и желѣзнодорожные) первоначально дѣлились въ Японіи на главные и второстепенные; но въ 1883 г. они были раздѣлены на три разряда: къ первому отнесены главные тракты, устанавливавшіе сообщеніе между большими городами, главными портами и другими мѣстами первостепенной важности и образующіе главную коммуникаціонную артерію государства; второй разрядъ обнимаетъ второстепенные тракты, отвѣтвляющіеся отъ трактовъ перваго разряда; и, наконецъ, къ третьему разряду относятся тракты, служащіе для сообщенія между двумя или болѣе пунктами второстепенной важности.

Число почтовыхъ отправленій поразительно быстро растетъ въ Японіи изъ года въ годъ. Число писемъ, въ первый годъ дѣйствія европейской системы составившее 565.934, въ слѣдующемъ году возросло до 2.510.650. Это объясняется тѣмъ, что въ первый годъ почтовая служба ограничивалась важнѣйшими городами имперіи, а во второй она разрослась пропорціонально расширенію сѣти почтовыхъ трактовъ и уменьшенію почтовыхъ ставокъ.

Въ 1873 г. число почтовыхъ отправленій превысило почти въ четыре раза число отправленій 1872 г., а въ 1874 г. увеличилось вдвое сравнительно съ предыдущимъ годомъ. Это произошло благодаря введенію однообразнаго тарифа, упраздненію частной почты, значительному умноженію числа почтовыхъ конторъ и развившейся привычкѣ пользоваться открытыми письмами, выпущенными въ концѣ предыдущаго года. Приростъ былъ слабѣе въ 1875 г., благодаря заминкѣ въ расширеніи и совершенствованіи системы. До 1882 г. приростъ корреспонденціи все еще составлялъ 20 проц., но въ 1883 и въ 1886 гг. онъ нѣсколько уменьшился, а особенно въ 1885, благодаря главнымъ образомъ кризису въ торгово-промышленныхъ сферахъ, къ счастью, непродолжительному. Съ оживленіемъ дѣла въ 1887 г. приростъ корреспонденціи дошелъ до 10 слишкомъ проц. въ годъ, исключая 1897—98 годы. Въ войну между Японіей и Китаемъ 1894—95 гг. число почтовыхъ отправленій сильно возросло.



Телеграфный обменъ съ иностранными государствами начался въ 1875 г., послѣ заключенія почтовой конвенціи съ Соединенными Штатами. До этого времени отправка и полученіе почты производились черезъ посредство британскихъ, американскихъ и французскихъ почтовыхъ конторъ, учрежденныхъ въ портахъ, открытыхъ для иностранной торговли. Со времени открытія почтовыхъ рейсовъ между Японіей, Китаемъ, Кореей и Владивостокомъ число международныхъ почтовыхъ отправленій непрерывно возрастаетъ. Присоединеніе Японіи къ всемірному почтовому союзу въ 1878 г. еще больше способствовало умноженію международной корреспонденціи.

Въ 1878 г. впервые были отправлены японскіе делегаты на второй почтовый конгрессъ, открывшійся въ Парижѣ, и на конгрессахъ Лиссабонскомъ — въ 1885 г., Вѣнскомъ — 1891 г. и 1897 г. Вашингтонскомъ Японія также имѣла своихъ представителей.

### Посылочныя отправленія.

Почтовая служба не ограничивается посылкой писемъ; она имѣетъ дѣло и съ пересылкой денегъ и посылокъ небольшихъ размѣровъ, въ видахъ облегченія торговыхъ и промышленныхъ сношеній. Почтовое управленіе открыло приѣмъ внутреннихъ посылокъ въ октябрѣ 1892 г. Сперва эти операціи производились лишь въ 287 почтовыхъ конторахъ, и посылокъ отправлено было лишь 40.975, но, съ возрастаніемъ числа почтовыхъ конторъ и съ уменьшеніемъ почтовыхъ ставокъ, а равно съ улучшеніемъ способовъ пересылки число посылокъ быстро росло съ каждымъ годомъ.

Внутренняя посылочная служба началась въ 1879 г., и первый обменъ посылокъ съ Гонконгомъ открылся одновременно съ обменомъ почтовыми переводами. Конвенціи объ обменѣ почтовыми посылками были заключены: съ Канадой въ 1890, Германіей въ 1894, Англіей въ 1896 и Франціей въ 1898 г. Предѣльный вѣсъ, величина и объемъ, равно какъ такса посылокъ мѣняются въ зависимости отъ страны, въ которую онѣ идутъ. Сношенія съ этими странами растутъ изъ года въ годъ.

### Почтовые переводы.

Почтовые переводы, составляющіе одну изъ важныхъ отраслей почтовой службы, правительство предполагало ввести одновременно съ пересылкой писемъ въ 1871 г., но не могло этого сдѣлать тогда же.

Тѣмъ не менѣе правила о почтовыхъ переводахъ были опубликованы въ сентябрѣ 1874 г. и вошли въ силу въ январѣ 1875 г. Это было начало внутреннего обмена переводами.

Сперва принимался только одинъ видъ переводовъ — денежные переводы по почтѣ, но для доставленія публикѣ возможности быстро пересылать мелкія суммы въ 1885 г. были введены телеграфные переводы и такъ называемые почтовые боны (*bon de poste*). Предѣльная сумма почтового перевода зависитъ отъ категоріи таковыхъ, равно какъ и такса за переводъ.

Международные переводы стали приниматься съ 1880 г., на основаніи соглашенія между главнымъ директоромъ почтъ Японіи и главнымъ директоромъ почтъ въ Гонконгѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ со-



глашенія объ обмѣнѣ почтовыми переводами были послѣдовательно заключены съ Великобританіей, Франціей, Соединенными Штатами, Италией и Канадой.

Въ 1885 г. Японія заключила соглашеніе о почтовыхъ переводахъ съ Германіей, Австро-Венгріей, Бельгіей, Болгаріей, Люксембургомъ, Румыніей и Швейцаріей. Съ другими странами обмѣнъ производился черезъ посредство почтовой администраціи Великобританіи и Гонконга.

Въ первый годъ введенія почтовыхъ переводовъ операціи по приему и оплатѣ таковыхъ производились лишь въ важнѣйшихъ городахъ имперіи, только въ 272 почтовыхъ конторахъ и агентствахъ, а почтовыхъ переводовъ было сдѣлано 115.703, на общую сумму 5.310.365 франковъ; но съ каждымъ годомъ эти операціи расширялись. Къ концу 1898 года число конторъ и агентствъ, уполномоченныхъ на эти операціи, дошло до 3.401, а почтовыхъ переводовъ было сдѣлано 6.338.456, на общую сумму 140.502.449 франковъ. Это произошло благодаря тому, что управленіе почтъ не только ввело эти операціи почти во всѣхъ конторахъ внутри Японіи и Формозы, но и открыло конторы въ Китаѣ и Корей. Международный обмѣнъ переводами, первоначально открытый въ 1880 г. въ конторахъ Токио, Киото, Осака, Иокогамъ, Кобе, Нагасаки и Хаходате, въ 1885 г. былъ открытъ еще въ 120 конторахъ.

Въ 1892 г. всѣмъ конторамъ, производившимъ внутреннія переводныя операціи, разрѣшено было участвовать въ международномъ обмѣнѣ, за исключеніемъ отдѣленій и конторъ, учрежденныхъ въ Корей и въ Шанхаѣ. Эта послѣдняя контора, однако, уполномочена была на обмѣнъ почтовыми переводами съ Соединенными Штатами.

Со времени открытія международного обмѣна почтовыми переводами въ 1880 г. годовое число ихъ колебалось, но, тѣмъ не менѣе, возрастало.

За 1898 г. международныхъ переводовъ было отправлено Японіей 4414, на сумму 283.489 франковъ, а получено 15.078 на сумму 2.169.718 франковъ.

Въ первые девять лѣтъ дѣйствія международного обмѣна переводами, съ 1880 по 1888 г., число отправленныхъ переводовъ почти вдвое превышало число полученныхъ переводовъ, но съ 1889 г. эти послѣдніе стали преобладать. Съ 1891 — 92 г. это отношеніе непрерывно возрастало, такъ что въ 1898 г. почтовыхъ переводовъ было получено въ восемнадцать слишкомъ разъ больше, чѣмъ отправлено. Это произошло главнымъ образомъ благодаря торговому и промышленному развитію Японіи.

### Почтово-сберегательныя кассы.

Почтово-сберегательныя кассы открыты были въ 1875 г. Въ видахъ распространенія этого учрежденія управленіе почтъ популяризировало среди населенія идею сбереженій, какъ средства, развивающаго экономію и умѣренность. Процентъ по вкладамъ мало по малу повышался и вводились различныя льготы по помѣщенію и выдачѣ вкладовъ.

Въ 1882 г. новымъ закономъ введены особые правила для почтово-сберегательныхъ кассъ, значительно упростившія веденіе дѣла въ нихъ.

Благодаря настоящему поощренію правительства и развитію эко-



номическихъ и промышленныхъ знаній въ населеніи, операціи почтово-сберегательныхъ кассъ сильно расширились съ 1885 года.

Съ 1885 по 1888 г. при почтовыхъ конторахъ, учрежденныхъ въ Китаѣ и Корей, открыты были сберегательныя кассы.

Въ 1890 г. былъ обнародованъ особый законъ, ограничившій размѣры вклада на одно лицо, включая и проценты, 500 іенами въ годъ. Тотъ же законъ опредѣлилъ условія покупки правительственныхъ обязательствъ вкладчиками, желающими помѣстить на сбереженіе болѣе предѣльной суммы.

Неизмѣнно стремясь къ поощренію почтово-сберегательныхъ кассъ, управленіе почтъ упростило до послѣдней возможности операцію приема и выдачи вкладовъ, а въ 1898 г. повысило процентъ по нимъ.

Въ 1896 г. почтово-сберегательныя кассы открыты были при всѣхъ почтовыхъ конторахъ Формозы.

Почтовые операціи, почти непрерывно возраставшія параллельно съ умноженіемъ корреспонденціи, въ 1898 году дали дохода 21.039.343 франка, а расходовъ потребовали 18.178,250 франковъ. Въ первыя пятнадцать лѣтъ существованія почтовой службы доходовъ обыкновенно не хватало на покрытіе расходовъ, необходимо связанныхъ съ развитіемъ и улучшеніемъ почтового дѣла, но съ 1886 стало преобладать обратное отношеніе и доходы неизмѣнно превышали расходы, превысивъ ихъ въ 1897 г. на 4.700.000 фряковъ слишкомъ.

## II. Телеграфъ.

Въ Японіи телеграфъ впервые былъ введенъ въ 1869 г. Въ 1868 г. японское правительство пригласило къ себѣ на службу англійскихъ инженеровъ, а въ 1869 открыло для общественнаго пользованія первую линію — между Токио и Йокогамой. Правительство дѣлало всѣ усилія, чтобы развитъ телеграфное дѣло, но такъ какъ экономическое состояніе страны было не блестяще, то она еще не могла въ полной мѣрѣ пользоваться этимъ орудіемъ современной цивилизаціи. Телеграфныя сношенія государства и частныхъ лицъ были столь рѣдки, что едва занимали чиновниковъ въ теченіе дня, и потому телеграфъ функционировалъ нерегулярно.

Телеграфная система получила лучшую организацію съ изданіемъ Правилъ телеграфной корреспонденціи 1873 г. и обнародованіемъ Телеграфнаго закона 1874 г. Во время югозападнаго возстанія 1877 г. (извѣстнаго подъ именемъ Сатсумскаго бунта) правительство особенно сильно почувствовало необходимость расширить телеграфную сѣть. Во время этой-то гражданской войны главныя линіи острова Кіу-Сіу были соединены съ телеграфными проводами собственно Японіи, а на островъ Сикокфъ проведены новыя линіи.

Въ 1878 г. правительство праздновало открытіе телеграфа, и всѣ телеграфныя конторы были официально открыты не только для международнаго, но и для внутренняго сообщенія. Однако Японія лишь въ 1879 г. окончательно примкнула ко всемірному телеграфному союзу.

Желая имѣть столь удобное средство сообщенія, населеніе мѣстностей, лишенныхъ телеграфа, ходатайствовало о скорѣйшемъ открытіи телеграфныхъ конторъ. Идя на встрѣчу этому желанію, правительство уполномочило телеграфное управленіе въ 1881 г. вводить телеграфъ въ просимыхъ мѣстахъ, предложивъ взять на себя часть расходовъ на



первоначальное устройство. Такъ какъ просьбы посыпались со всѣхъ сторонъ, то управленіе рѣшило изслѣдовать расположеніе мѣстностей и произвести расчетъ расходовъ по устройству и содержанію телеграфа, прежде чѣмъ удовлетворять ходатайства. Такимъ образомъ, телеграфныя сообщенія развивались рационально, и въ 1884 г. не было уже ни одного мало-мальски важнаго пункта безъ телеграфа.

Къ этому времени пользованіе телеграфомъ приняло столь широкіе размѣры, что управленіе нашло необходимымъ приостановить сооруженіе новыхъ линій до тѣхъ поръ, пока не будетъ увеличено число проводовъ на уже существующихъ линіяхъ. Были также измѣнены телеграфные законы и правила, опредѣляющіе права и обязанности управленія телеграфовъ.

Поверстная плата существовавшая до этого времени, замѣнена была единообразнымъ для всей Японіи тарифомъ. Съ 1890 г. страна стала быстро развиваться во всѣхъ отношеніяхъ, и Управленію пришлось заботиться о болѣе быстромъ и правильномъ распредѣленіи телеграммъ и увеличивать вмѣстѣ съ тѣмъ число телеграфныхъ линій и конторъ. Въ 1890 г. были удвоены кабельные провода въ проливѣ Тсугару и Внутреннемъ морѣ. Въ 1891 г. Управленіе телеграфовъ проложило кабели къ острову Садо и въ заливѣ Функаванъ (Хоккаидо), и выкупило у датскаго Сѣвернаго телеграфнаго общества кабели, соединяющіе Іобуко (островъ Ики) съ Идзугахарой (островъ Цусима), составлявшіе часть кабельной линіи между Японіей и Кореей.

Когда въ 1894 г. объявлена была война между Китаемъ и Японіей, японское правительство соорудило во внутренней части Кореи телеграфныя линіи для военныхъ цѣлей. Эти линіи, соединенныя съ Японіей, утилизировались исключительно военной администраціей. По окончаніи войны онѣ были открыты для частнаго, а равно и для казеннаго пользованія. Во время войны для защиты страны построены были наблюдательныя вышки вдоль важнѣйшихъ военныхъ линій; эти вышки превращены были въ телеграфныя конторы для сосѣднихъ мѣстностей, пересѣкаемыхъ телеграфными линіями. На линіяхъ между Токио и Нагасаки, а также между Токио и Симоносеки увеличено было число проводовъ. Въ 1895 г. между Іобуко и Идзугахарой былъ проложенъ новый кабель, а въ 1897 г. островъ Формоза былъ соединенъ съ Японіей для военныхъ цѣлей кабелемъ, въ послѣдствіи открытымъ для общаго пользованія. Такимъ образомъ, война много способствовала развитію телеграфныхъ сношеній.

Вначалѣ телеграфныя конторы не различались по разрядамъ; только въ 1873 г. онѣ были разбиты на три разряда. Въ 1886 г. телеграфныя конторы различныхъ министерствъ или другихъ административныхъ дѣленій получили особыя наименованія, въ отличіе отъ конторъ, открытыхъ для общаго пользованія. Между полицейскими телеграфными конторами или желѣзнодорожнымъ телеграфомъ, пользованіе которымъ часто представлялось исключительно государству, и другими конторами, открытыми для публики, не могло существовать различія въ названіи. Позже, смотря по мѣстности и состоянію службы, многія телеграфныя конторы сливались съ почтовыми, получая названіе почтово-телеграфныхъ. Тамъ, гдѣ имѣлось больше двухъ телеграфныхъ конторъ въ одномъ мѣстѣ, болѣе крупная называлась „центральной конторой“, а другія „отдѣленіями“. Кромѣ того, Управленіе телеграфовъ, имѣвшее право утилизировать для общественнаго пользованія теле-



графныя линіи, сооруженныя спеціально для обслуживанія желѣзныхъ дорогъ, открыло нѣсколько общихъ конторъ на конечныхъ и промежуточныхъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ.

Въ 1871 г. имѣлось 4 конторы на 8.277.706 душъ населенія; въ 1898—99 ихъ было 1.267, т. е. по одной на каждыя 34.492 души населенія.

Обыкновенно телеграфныя линіи сооружаются вдоль общественныхъ дорогъ или желѣзнодорожнаго пути. Вначалѣ рѣдко пользовались частной землей для проведенія линій, и въ какихъ либо правилахъ отчужденія частныхъ имуществъ въ видахъ общей пользы не представлялось надобности. Но эта надобность стала ощущаться, когда телеграфныя линіи стали длиннѣе и запутаннѣе. Въ 1874 г. правительство издало постановленіе, уполномочивавшее администрацію выдавать вознагражденіе собственникамъ имущества, необходимаго для сооруженія линій, а въ 1884 г. другое постановленіе опредѣлило, изъ какихъ средствъ должны быть покрываемы расходы, вызываемые сооруженіемъ линій. Подробности соглашеній обыкновенно опредѣлялись мѣстными обычаями каждаго пункта. Въ 1889 г., когда былъ опубликованъ законъ о принудительномъ отчужденіи частныхъ имуществъ для общаго пользованія, явилась необходимость издать спеціальныя законы для телеграфовъ и телефоновъ. Въ 1890 г. правительство опубликовало такой законъ, дѣйствующій до сихъ поръ. Сооруженіе телеграфныхъ линій между Токио и Йокогамой и между Осакой и Кобе (1869—70) было лишь первымъ шагомъ; серьезная работа началась съ утвержденіемъ главныхъ линій отъ Токио до Нагасаки и отъ Токио до Амори, постройка которыхъ продолжалась съ 1871 по 1874 г. вмѣстѣ съ линіей Хакодате—Саппоро эти линіи образуютъ великую артерію Японіи. Между 1874 и 1877 г. было сооружено нѣсколько линій къ острову Кіусіу; къ острову Сикокфу между 1876 и 1879 г.; между 1876 и 1882 г. сооружены линіи, соединяющія многіе важные пункты собственно Японіи; наконецъ въ 1892 г. были сооружены линіи, ведущія къ Хоккайдо, и вся цѣпь острововъ соединена телеграфомъ. Постройка главныхъ и второстепенныхъ линій шла одновременно, и соединеніе ихъ происходило по мѣрѣ подвиганія впередъ работы на главныхъ линіяхъ; между различными островами прокладывался кабель, дабы телеграфное сообщеніе могло совершаться возможно безпрепятственнѣе.

Въ войну 1894—95 г. стратегическія соображенія вызвали необходимость проложить кабель между Кагошимой (Кіусіу) и Келунгомъ (Формоза), для соединенія военныхъ линій Японіи съ линіями Формозы и для предоставленія публикѣ возможности сообщаться съ Формозой.

Вскорѣ телеграфъ соединилъ съ Японіей и Пескадорскіе острова, и въ настоящее время всѣ главные острова и города Японіи имѣютъ телеграфъ.

Внутреннія телеграммы могутъ быть подаваемы какъ на японскомъ, такъ и на европейскихъ языкахъ. Правила составленія, передачи, шифрованія и т. д. японскихъ депешъ изданы въ 1869 г., а для европейскихъ депешъ подобныя же правила изданы въ 1870 г.

Депеши раздѣляются на три разряда:—правительственные, служебныя и частныя; затѣмъ различаются: обыкновенныя телеграммы, срочныя, телеграммы, отправляемыя вслѣдъ (вдогонку), повторныя телеграммы, телеграммы на храненіе, телеграммы съ обратной распиской и телеграммы съ уплоченнымъ отвѣтомъ. До 1885 г. плата за депеши вносилась деньгами, а съ этого года введено десять родовъ телеграф-



ныхъ марокъ (отъ 1 сена до 1 іены). Послѣ сліянія почты и телеграфа телеграфныя марки были упразднены, а вмѣсто нихъ разрѣшено пользоваться почтовыми.

До 1885 телеграммы на японскомъ языкѣ таксировались по числу сообщений, а на европейскихъ языкахъ по числу словъ. Притомъ стоимость внутреннихъ депешъ зависѣла еще отъ числа передаточныхъ станцій и отъ экономико-географическаго положенія мѣстности; но въ 1885 г. введена была однообразная плата для всей Японіи, за исключеніемъ городскихъ депешъ и депешъ, отправляемыхъ на острова Ики и Цусиму. Въ 1887 плата за телеграммы на европейскихъ языкахъ уменьшена была на половину для иногороднихъ, и на треть для городскихъ телеграммъ. Исключеніе, сдѣланное для острововъ Ики и Цусимы, отмѣнено въ 1891 г., и съ этихъ поръ во всей Японіи установлено однообразный телеграфный тарифъ. Въ первые годы существованія телеграфной системы депешъ было ничтожное количество, но по мѣрѣ того, какъ западная цивилизація проникала вглубь страны и развивалась торговля и промышленность, правительству приходилось расширять телеграфную сѣть и увеличивать число конторъ, чтобы удовлетворить возрастающему спросу; впрочемъ, 1883 и пять послѣдующихъ годовъ, несмотря на расширеніе сѣти, отмѣчены поразительнымъ сокращеніемъ числа телеграммъ. Это странное явленіе объясняется торговымъ и промышленнымъ кризисомъ; вмѣстѣ съ оживленіемъ этихъ сферъ число депешъ стало расти пропорціонально развитію телеграфной системы.

Японія получала и отправляла международныя телеграммы со времени открытія линіи между Токио и Нагасаки въ 1873 г.; но такъ какъ Управленіе Телеграфовъ еще тогда не примкнуло къ Международному Телеграфному Союзу, то депеши за Нагасаки поручались агентству Датскаго Сѣвернаго телеграфнаго общества, и передача международныхъ телеграммъ регулировалась въ Японіи правилами для внутренней телеграфной службы, за исключеніемъ тарифа, установленнаго соглашеніемъ съ этимъ обществомъ. Съ 1878 г. международныя телеграммы подчинены правиламъ, установленнымъ международной телеграфной конвенціей, заключенной въ Петербургѣ въ 1875 г., а въ 1879 г. Японія формально примкнула къ этой конвенціи. Японскіе делегаты впервые были отправлены на Лондонскую международную конференцію 1879 г. Послѣ того Японія имѣла своихъ представителей на конференціяхъ, послѣдовательно созывавшихся въ Берлинѣ, Парижѣ и Будапештѣ.

### Телефонъ.

Правительство давно намѣревалось завести въ Японіи телефонъ. Вполнѣ признавая пользу этого новаго способа сообщенія, оно колебалось между тѣмъ, должно ли государство само сооружать телефоны, или лучше будетъ предоставить это дѣло частной компаніи. И такъ какъ телефонъ было дѣло совершенно новое, то рѣшено было сперва обслѣдовать его хорошенько. Министерство путей сообщенія серьезно занялось подготовительными изслѣдованіями и попробовало фабриковать телефоны. Въ 1890 г. правительство сочло своевременнымъ примѣнить къ дѣлу эти теоретическія изысканія, признавъ выгоды, которыя могло дать такое предпріятіе, и издало Телефонныя правила. Телефонное со-



общеніе впервые открыто было въ Токио и Иокогамѣ въ концѣ 1890 года, а въ Осакѣ и въ Кобе въ 1893 г. Какъ и при всякомъ нововведеніи, публика не сразу оцѣнила истинную пользу этого чудеснаго изобрѣтенія и не спѣшила проводить телефонъ къ себѣ въ квартиры; но черезъ нѣсколько лѣтъ на телефонъ пошелъ такой спросъ, что Управленію пришлось испросить у государства специальный фондъ, чтобы удовлетворить всѣхъ желающихъ. Въ 1895 г. рѣшено было расширить телефонную сѣть. Въ 1896—97 гг. были устроены телефонныя сѣти во всѣхъ важныхъ торговыхъ пунктахъ и даже установлено телефонное сообщеніе между ними. Въ февралѣ 1899 г. была проведена первая телефонная линія на большое растояніе — именно между Токио и Осакой (350 миль, или 525 верстъ).

Телефоннымъ дѣломъ завѣдуетъ министерство путей сообщенія. Въ 1890 г., — т. е. въ первый годъ открытія телефонной службы, центральныя переговорныя станціи имѣлись только въ Токио и Иокогамѣ, и для общаго пользованія открыто было только 16 телефонныхъ конторъ. Въ 1898—99 г. было уже 21 станція и 45 телефоновъ общаго пользованія. Въ 1890 г. было только 334 частныхъ абонента на телефоны; но въ концѣ фискальнаго 1898—99 года телефонами было снабжено уже 8064 дома и имѣлось 6915 заказовъ на телефоны. Въ 1902—03 г. имѣлось 318 телефоновъ общаго пользованія, по которымъ передано 111.597,714 разговоровъ.

Телефонныя линіи сооружаются и содержатся государствомъ. Сооружаются онѣ въ зависимости отъ роста требованій на телефоны, но въ предѣлахъ бюджета. Въ городахъ расширеніе сѣти происходило медленно сравнительно съ умноженіемъ проводовъ. Есть очень много столбовъ, на которыхъ имѣется свыше 300 проводовъ. Во избѣжаніе опасности Управленіе стало прокладывать ихъ подъ землею.

По телефону могутъ сообщаться абоненты между собою или абоненты съ посторонней публикой, или любыхъ два лица. Въ первомъ случаѣ абоненты не платятъ ничего сверхъ годовой подписной платы. Во второмъ случаѣ постороннія лица платятъ за каждый вызовъ по таксѣ, установленной Управленіемъ. Абоненты платятъ за разговоры на дальнее растояніе особо.

Такъ какъ мѣдь считается лучшимъ проводникомъ, то управленіе производило пробную фабрикацію твердой мѣдной проволоки, которая была затѣмъ принята на всѣхъ линіяхъ. Такъ какъ перегружать столбы проволокой оказалось крайне неудобнымъ, то въ 1891 г. стали прокладывать подземные провода на линіяхъ, перегруженныхъ проводами. Первоначально къ столбамъ придѣлывались деревянные перекладины на 2, 4, 6, 8, 10 и 12 проводовъ, смотря по числу абонентовъ; но такъ какъ этого оказалось недостаточнымъ, то ихъ замѣнили желѣзными перекладинами, могущими выдержать гораздо больше проводовъ.

Изоляторы у насъ примѣняются фарфоровые, японской фабрикаціи. Аппараты употребляются троякаго рода: компаніи Стандардъ, Западной электрической компаніи и телефоны Мана. Эти послѣдніе, нѣсколько видоизмѣненные, выдѣлываются въ Японіи и дѣйствуютъ лучше тѣхъ, которые первоначально ввозились. Фабрикація телефоновъ достигла теперь въ Японіи широкихъ размѣровъ и значительнаго совершенства.